

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Юрьевский А.

**МАРК ПУСТЫННИК
И ЕГО НОВООТКРЫТОЕ
«СЛОВО
ПРОТИВ НЕСТОРИАН»**

Сборник сочинений студентов КазДА.
Выпуск 1. Казань, 1900. С. 1-66

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

МАРКЪ ПУСТЫННИКЪ

И ЕГО НОВООТКРЫТОЕ

„СЛОВО ПРОТИВЪ НЕСТОРИАНЪ“.

~~~~~

Въ 1891 г. въ С.-Петербургѣ ученымъ грекомъ Пападопуло-Керамевсъ на средства „Православнаго Палестинскаго Общества“ былъ изданъ сборникъ неизвѣстныхъ дотолѣ твореній древнихъ и средневѣковыхъ греческихъ церковныхъ писателей,—подъ заглавіемъ: „*Ανάλεκτα ἱεροβολουμιτικῆς βραχυλογίας*“. Среди многочисленныхъ произведеній, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ и заимствованныхъ издателемъ изъ различныхъ рукописныхъ кодексовъ, хранящихся преимущественно въ библиотекѣ палестинской обители св. Саввы, напечатано, между прочимъ, новооткрытое „Слово противъ несторианъ“, надписанное именемъ Марка пустытника. Этотъ новооткрытый памятникъ древне-христіанской письменности найденъ былъ издателемъ сборника въ кодексѣ, значащемся въ библиотекѣ Саввинской обители за № 366 и, по всѣмъ признакамъ, принадлежащемъ къ XIII вѣку. Въ этомъ кодексѣ новооткрытое „Слово противъ несторианъ“ помѣщено вмѣстѣ съ другими, уже давно извѣстными ученому богословскому міру, твореніями, также приписываемыми Марку пустынику, и въ ряду этихъ твореній на страницахъ кодекса оно занимаетъ послѣднее мѣсто ¹⁾).

---

1) „*Ανάλεκτα*“, *πρόλογος*, σ. ε'—ς'.

По своему содержанію „Слово противъ несторіанъ“ принадлежитъ къ разряду древне-христіанскихъ догматико-полемиическихъ сочиненій. Какъ касающееся одного изъ весьма важныхъ догматическихъ вопросовъ, волновавшихъ почти весь христіанскій міръ 4—6 вѣковъ, новооткрытое сочиненіе, проливая свѣтъ на характеръ и сущность доктрины несторіанъ, въ тоже время раскрываетъ и положительное ученіе древней православной церкви о вѣстасномъ соединеніи во Христѣ двухъ естествъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно можетъ имѣть высокое значеніе и для современнаго намъ богослова-догматиста.

Свѣдѣнія о писателѣ Слова противъ несторіанъ.

Въ виду того, что новооткрытое сочиненіе приписывается въ кодексѣ св. Марку пустыннику, естественно, возникаетъ вопросъ: кто былъ этотъ Маркъ пустынникъ, когда онъ жилъ и какая пустыня была мѣстомъ его подвижничества?

Время жизни писателя Слова противъ несторіанъ. Такъ какъ историческія свѣдѣнія, обыкновенно сообщаемыя объ авторѣ твореній, извѣстныхъ съ именемъ Марка Пустынника (Отшельника, Подвижника, Аскета, Постника и т. д.), въ ученыхъ трудахъ по патрологіи и по церковной исторіи, отличаются необыкновенною спутанностью и сбивчивостью, какъ въ отношеніи къ хронологіи, такъ и въ отношеніи къ мѣсту жительства пр. Марка, то мы находимъ необходимымъ, для установленія хронологіи жизни и дѣятельности автора новооткрытаго „Слова“, обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ внутреннихъ данныхъ, которыя можно найти въ самомъ текстѣ даннаго сочиненія относительно времени его происхожденія.

Рѣшенію вопроса относительно времени жизни Марка пустынника можетъ помочь вопросъ о томъ, противъ какой ереси возсталъ этотъ древній церков-

ный писатель. Какъ показываетъ заглавіе новооткрытаго литературнаго памятника, онъ имѣетъ своимъ предметомъ обличеніе ереси Несторія. Но въ виду того, что въ самомъ текстѣ „Слова“ нигдѣ не встрѣчается даже имени Несторія или несторіанъ, опредѣленіе той ереси, противъ которой боролся нашъ авторъ, возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы изложимъ, на основаніи новооткрытаго сочиненія, ученіе противниковъ Марка пустытника и покажемъ отношеніе этого ученія къ ереси Несторія.

Выступивъ на борьбу съ еретическимъ ученіемъ, авторъ новооткрытаго „Слова противъ несторіанъ“ заявилъ, между прочимъ, что для оказанія дѣйствительной помощи каждому еретикъ „нужно разслѣдовать не только все то, что тѣ говорятъ нынѣ, но и все, что возможно также послѣ нихъ, разоблачить ихъ зловредныя мысли и разгласить ихъ толкованія“ (VI гл.). Если бы этотъ приѣмъ опроверженія не только уже высказанныхъ еретиками положеній, но даже и возможныхъ лишь впоследствии, былъ, дѣйствительно, осуществленъ нашимъ авторомъ, то представить ученіе противниковъ Марка въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно существовало во дни этого писателя, было бы нѣсколько затруднительно. Къ счастью, Маркъ оказался на самомъ дѣлѣ далекъ отъ осуществленія этого приѣма, предлагавшагося, какъ онъ говоритъ, людьми, „утвержденными въ истинѣ о Христѣ“ (*ἑσθροῦντες τῆ ἐν Χριστῷ ἀληθείᾳ*). Опровергая лишь высказанныя, дѣйствительныя, а не воображаемыя и возможные положенія еретиковъ, Маркъ тѣмъ самымъ даетъ намъ возможность возстановить подлинное ученіе обличаемыхъ имъ еретиковъ.

Еретики эти, оспаривая у истинныхъ христіанъ наименованіе православныхъ (XI гл.), по словамъ Марка вѣруютъ, какъ и послѣдніе, въ тріединаго Бога-Отца и Сына и Святаго Духа (XXVIII гл.). Они признаютъ и Христа (XVIII гл.). Разногласіе ихъ съ православными касается лишь ученія о лицѣ Иисуса Христа. Присту-

пая къ опроверженію еретическаго лжеученія, Маркъ пустынный сразу же заявляетъ, что его противники стыдятся исповѣдывать распятаго и пренебрегшаго позоромъ Учителя Сыномъ Божиимъ (I гл.) и что распятый Христосъ, по ихъ мудрствованію, есть „простой человѣкъ“ (II гл.). Очевидно, что еретики, опровергаемые Маркомъ, смотрѣли на распятіе, какъ на страданіе только человѣка. Признавая вмѣстѣ съ православными Христа единымъ (XVIII гл.), они въ тоже время допускали двойственность въ Его личности, такъ что Маркъ пустынный находить возможнымъ обличать еретиковъ въ томъ, что они „дѣлятъ надвое Господа славы“ (II гл.). Противники Марка различали во Христѣ, съ одной стороны, „простого человѣка“ (*ψιλὸς ἄνθρωπος*), а съ другой— „безплотнаго Бога“ или „безплотное Слово“ (*υψιμὸς Θεὸς, λόγος*). Впрочемъ, на прилагательное *ψιλὸς* нужно смотрѣть, конечно, какъ на добавку со стороны самого Марка, такъ какъ выраженіе *ψιλὸς ἄνθρωπος* со времени Павла самосатскаго считалось неприличнымъ и даже осужденнымъ; поэтому, если-бы противники Марка, дѣйствительно, стали называть Христа „простымъ“ человѣкомъ, то они сразу же выставили бы себя въ непривлекательномъ свѣтѣ ¹⁾. Но, конечно, несомнѣнно, что еретики различали во Христѣ „человѣка“ и „Бога“. признавали Христа „въ отдѣльности Богомъ и человѣкомъ“ — *ἀνὰ μέρος Θεὸν ἢ ἄνθρωπον* (X гл.). И это раздѣленіе во Христѣ „человѣка“ отъ „Бога“ они видятъ не только въ распятіи Христа, но и во всей вообще Его жизни, начиная съ рожденія (X гл.). Они строго различаютъ „чудеса“ Христа (*θαύματα*), или дѣла божественныя (*μεγαλεῖα*) отъ дѣлъ и состояній обыкновенно-человѣческихъ, или страданій Его (*πάθη*). И великія, божественныя дѣла они приписывали Богу-Слову, дѣла же и состоянія человѣческія относили къ „простому человѣку“. Поэтому Маркъ вполне справедливо обличаетъ ихъ въ томъ,

¹⁾ Kunze. Marcus Eremita. Leipzig, 1894, pag. 90.

что „исповѣдавши при крещеніи въ душѣ (своей) воплотившагося и вочеловѣчившагося Бога-Слова..., они отдѣляютъ теперь по очереди, то плоть отъ Слова, то Слово отъ плоти“ (IX гл.). Это раздѣленіе Христа „на-двое“, по Марку, почти равносильно признанію двухъ Христовъ (III, XII, XVIII гл.); и если еретики еще не высказали этой мысли, продолжая все еще исповѣдывать Христа единымъ (XVIII гл.), то въ мысляхъ своихъ (*ἐπινοίαις*) они, по всей вѣроятности, представляютъ двухъ Христовъ. Основаніемъ къ такому раздѣленію Христа „на-двое“ для еретиковъ служить то соображеніе, что Богъ не можетъ быть распятымъ и умереть, не можетъ Онъ алкать и утомляться (XV гл.). Изъ этого-то соображенія еретики и выводятъ ту мысль, что страдалъ и переживалъ человѣческія состоянія только „простой человѣкъ“; и „вѣра въ распятаго, какъ въ Сына Божія,—по ихъ воззрѣнію,—есть дѣло безумія“ (XI гл.). Что касается выраженія апостола: „распяли Господа Славы“, то эти слова должны быть понимаемы, по мысли еретиковъ, въ томъ смыслѣ, что „распятый человѣкъ послѣ воскресенія удостоился славы“ (VII гл.), и если апостолы повелѣваютъ вѣровать въ распятаго, то собственно „они говорятъ о вѣрѣ не въ распятаго, а въ Бога, обитавшаго въ немъ“ (XIV гл.). Выраженіе еретиковъ: „распятый человѣкъ послѣ воскресенія удостоился славы“ показываетъ, что и воскресеніе изъ мертвыхъ еретики относили къ одному только „человѣку“; и, дѣйствительно, по словамъ Марка, еретики учили, что „умершій и воскресшій есть простой человѣкъ“ (XIII гл.). Для обозначенія этой первой, т. е. человѣческой природы лица Іисуса Христа у еретиковъ нѣтъ строго опредѣленнаго термина; для обозначенія ея они безразлично употребляли нѣсколько терминовъ. Наболѣе употребителенъ въ этомъ отношеніи терминъ *ἄνθρωπος*, затѣмъ *σὰρξ* ¹⁾ и *σῶμα* ²⁾).

1) (Напр., *ἐσταυρωμένη σὰρξ*—XI гл.).

2) (Напр., *σῶμα νεκρόν*—XIII гл.; *ἐσταύρωσαν τὸν ἄνθρωπον ἢ τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ*—XXI гл.).

Раздѣляя Христа „на-двое“, еретики смотрѣли на естество человѣческое во Христѣ только какъ на жилище или одежду (*ἱμάτιον*) для Бога Слова (XIV, XVIII гл.). Упостасное соединеніе двухъ естествъ, о которомъ учили православные христіане, противники Марка отрицали. Это ученіе казалось имъ весьма несостоятельнымъ, такъ какъ, признавая Бога Слова упостасно соединившимся съ плотію, православные должны были признавать яко-бы и участіе Бога Слова въ страданіяхъ; тогда какъ на самомъ дѣлѣ безплотный и безстрастный Богъ страдать не можетъ (XV гл.). Признавая только чисто вѣшнія отношенія между „человѣкомъ“ и „Богомъ Словомъ“ во Христѣ, еретики учили, что „Богъ Слово“ можетъ разлучаться, покидать „человѣка“, и снова вселяться и обитать въ немъ (XVIII, XXII гл.). Отрицая упостасное соединеніе во Христѣ естествъ, они отрицали и природную святость тѣла Христова и потому, исповѣдуя догматъ Пресвятой Троицы, подѣ Сыномъ Божиимъ разумѣли не вочеловѣчившееся, а совершенно безплотное Слово (XXVIII гл.), основывая такое пониманіе догмата Троичности на изреченіи Свящ. Писанія о рожденіи Сына Божія изъ чрева Отца еще прежде денницы (XXX гл.).

Таковы существенныя черты ученія о лицѣ Иисуса Христа еретиковъ, обличаемыхъ Маркомъ пустыннокомъ. Но, рассматривая изложенное Маркомъ ученіе еретиковъ, можно на первый разъ подумать, что онъ имѣетъ дѣло вовсе не съ послѣдователями и современниками Несторія, а съ какими-то другими еретиками. Дѣло въ томъ, что центральнымъ пунктомъ ереси Несторія былъ вопросъ о наименованіи Дѣвы Маріи Богородицею. Съ этого вопроса собственно и началась несторіанская ересь. Этотъ вопросъ о имени Дѣвы Маріи въ несторіанскихъ спорахъ былъ настолько существеннымъ, что его касались и всѣ, доселѣ извѣстные, борцы православія противъ несторіанъ. Между тѣмъ, въ новооткрытомъ „Словѣ противъ несторіанъ“ нѣтъ даже намека на этотъ вопросъ. Маркъ пустын-

никъ нигдѣ не касается споровъ относительно имени Дѣвы Маріи; у него нѣтъ даже словъ *Θεοτόκος*, *ἁγιοτόκος*, *ὑποτόκος*; даже глаголь *τίκτω* онъ почти не употребляетъ (только одинъ разъ въ XVIII гл.), а вездѣ замѣняетъ его словомъ *γεννάω*; и самой личности Дѣвы Маріи Маркъ совсѣмъ не касается; лишь два раза онъ упоминаетъ о ней и притомъ мимоходомъ, называя ее въ одномъ случаѣ „Святою Маріей“ (XXX гл.), а въ другомъ—даже просто „Маріей“ (XXV).

Однако, на самомъ дѣлѣ, сказать, что Маркъ въ своемъ „Словѣ“ полемизируетъ не съ несторіанами, а съ иными еретиками,—никакъ нельзя. Доказательствомъ того, что нашъ авторъ, дѣйствительно, борется противъ несторіанъ, служить, прежде всего, самое заглавіе новооткрытаго „Слова“. Приписывать составленіе этого заглавія кому-нибудь другому лицу нѣтъ серьезныхъ основаній. Тотъ фактъ, что древніе церковные и нецерковные писатели тщательно заботились о полной и точной формулировкѣ заглавій для своихъ сочиненій, можетъ достаточно убѣдить насъ въ томъ, что заглавіе новооткрытаго догматико-полемическаго труда—принадлежитъ самому автору его.

Затѣмъ, если мы отрѣшимся отъ вопроса объ именованіи Дѣвы Маріи Богородицею, то увидимъ, что всѣ опровергаемыя Маркомъ еретическія мысли, есть мысли, дѣйствительно, самого Несторія и его сторонниковъ. Такъ, по свидѣтельству извѣстнаго западнаго борца противъ пелагіанъ и несторіанъ, Марія Меркатора († 460), Несторій, ссылаясь на слова Христа: *раззорите храмъ сей*, училъ, что Богъ Слово только вселился въ „человѣка“ и обиталъ въ послѣднемъ, какъ въ храмъ (*templum*)¹⁾. Очевидно, что противники Марка въ этомъ пунктѣ, вполнѣ сходны съ Несторіемъ. Извѣстно также, что Несторій всѣ дѣянія Христа раздѣлялъ на двѣ группы, одни изъ нихъ („божественныя“) относя къ Богу Слову, другія — къ человѣку.

¹⁾ *Migne. Patr. ser. Latina, t. XLVIII, 774.*

И это дѣленіе дѣлъ Христа, весьма замѣтно выступающее и въ ученіи противниковъ Марка, было, дѣйствительно, особенностью несторіанской доктрины.

На основаніи этого тождества ученія противниковъ Марка пустытника съ еретическими мыслями Несторія о лицѣ Іисуса Христа, мы должны признать, что писатель „Слова противъ несторіанъ“ въ своемъ полемическомъ сочиненіи имѣлъ дѣло дѣйствительно съ ересью Несторія.

Итакъ, если новооткрытое „Слово“ дѣйствительно имѣетъ дѣло съ несторіанскими заблужденіями, то очевидно, что это сочиненіе Марка пустытника не могло появиться раньше того времени, какъ возникла самая ересь Несторія, т. е. раньше 428 г. Но такъ какъ ересь несторіанская, обличаемая въ изслѣдуемомъ нами сочиненіи, существовала не въ одномъ лишь 5 вѣкѣ, но и послѣ него, продолжая существовать даже и въ наши дни, то точно опредѣлить время происхожденія новооткрытаго сочиненія не особенно легко.

Обращаясь къ тексту „Слова противъ несторіанъ“, нельзя не увидѣть, что авторъ новооткрытаго сочиненія жилъ среди противниковъ православной вѣры. Въ своемъ сочиненіи Маркъ пустытникъ имѣетъ дѣло не столько съ отвлеченной доктриной несторіанъ, не столько съ разборомъ ея основаній и тезисовъ, сколько съ самими еретиками и съ обличеніемъ ихъ. Взору писателя несторіанская ересь представляется не въ абстрактныхъ ея положеніяхъ, а въ конкретныхъ носителяхъ и сторонникахъ ея. Онъ имѣетъ дѣло не столько съ ересью, сколько съ самими еретиками. Почти въ каждой главѣ сочиненія Марка пустытника можно встрѣтить обращенія писателя къ еретикамъ, какъ къ его собесѣдникамъ и оппонентамъ: „скажи мнѣ, еретикъ“... „если ты будешь говорить“... „если ты скажешь“... „если ты думаешь“... „Теперь я хочу спросить тебя, еретикъ, а ты, во имя любви къ истинѣ, отвѣть мнѣ. Но чтобы ты въ своей злобѣ коварно не запуталъ (этотъ вопросъ), лучше (прямо), по своему убѣжденію, дай и от-

вѣтъ“ (гл. X). „Теперь я (съ своей стороны) спрошу тебя и ты отвѣть мнѣ. Но не уклоняйся въ своемъ пустословіи туда и сюда, а скажи прямо“... (гл. XXI). Такія выраженія, сплошь и рядомъ встрѣчающіяся въ сочиненіи Марка Пустынника, могъ употреблять только тотъ писатель, который не по литературнымъ произведеніямъ былъ знакомъ съ еретическимъ ученіемъ, но который самъ непосредственно имѣлъ дѣло съ еретиками.

Самая еретическая партія, какъ можно заключать изъ новооткрытаго „Слова“, въ дни писателя была партіею новою, недавно лишь образовавшеюся. Современные писателю еретики не были потомками людей, прежде отступившихъ отъ ученія православной вѣры, но родились отъ православныхъ родителей. Авторъ новооткрытаго труда неоднократно упоминаетъ о томъ, что противники православной вѣры были крещены въ православной церкви и исповѣдали при крещеніи тотъ же самый символъ вѣры, какой исповѣдалъ и самъ писатель. Такъ, въ IX главѣ Маркъ Пустынникъ прямо говоритъ, что обличаемые имъ еретики, *„какъ вѣрующіе, приняли печать, исповѣдавши Христа не простымъ челоукомъ и не безплотнымъ Богомъ, но воплотившимся Словомъ“*. Въ слѣдующей главѣ онъ, спрашивая еретиковъ о томъ, единъ-ли Христосъ или два Христа? продолжаетъ: *„если ты скажешь мнѣ, что Онъ единъ въ двухъ (естествахъ), какъ исповѣдалъ ты и при святомъ крещеніи, то прекрасно скажешь“*. Въ главѣ XI Маркъ обличаетъ еретиковъ, между прочимъ, слѣдующими словами: *„итакъ, принявши крещеніе и содѣлавшись новою тварью, не будь, нечестивецъ, новымъ Тертилломъ, краснорѣчиво говорящимъ противъ истины, и не воображай себя равнымъ по мудрости Павлу“*. Въ 23 главѣ на слова еретиковъ: *„не знаю, какъ вѣровать, да и что такое вѣра“?*—Маркъ отвѣчаетъ *„вѣра есть то исповѣданіе, которое далъ ты при крещеніи, говоря: вѣрую въ Бога Отца Вседержителя“* и т. д.— Всѣ эти, сейчасъ приведенныя, мѣста изъ сочиненія

Марка съ достаточною ясностью и убѣдительностью свидѣтельствуя, что современная нашему писателю еретическая партія состояла изъ лицъ, лишь недавно отступившихъ отъ истиннаго ученія о лицѣ Иисуса Христа.

Въ своемъ „Словѣ“ Маркъ пустынникъ противниковъ своихъ три раза называетъ „еретиками“ (гл. V, VI и X). Но ни въ одномъ мѣстѣ онъ не упоминаетъ о томъ, чтобы эти еретики были формально осуждены церковію и отлучены ею отъ общенія съ православными. Напротивъ, онъ неоднократно упоминаетъ о томъ, что еретики участвуютъ въ таинствѣ причащенія вмѣстѣ съ православными, и это даетъ ему основаніе предлагать еретикамъ вопросы вродѣ слѣдующихъ: „зачѣмъ вкушаешь ты Его тѣло, если оно простое? зачѣмъ и кровь Его пьешь, если она простая?“ (гл. XXIII). Слова произносимыя священниками при таинствѣ причащенія: „святое тѣло Иисуса Христа въ жизнь вѣчную“,—служать для Марка однимъ изъ доказательствъ истинности православнаго ученія объ вѣпостасномъ соединеніи во Христѣ двухъ естествъ (гл. XXIV). Изъ этихъ мѣстъ сочиненія Марка пустынника можно вывести то заключеніе, что еретическая партія, во время написанія пр. Маркомъ своего сочиненія, не была еще вполне организованномъ обществомъ, которое существовало бы внѣ православной церкви и имѣло бы свою собственную іерархію. Еретики, обличаемые Маркомъ пустынникомъ, были въ то время лишь внутренними врагами церкви, возмущавшими ея благосостояніе и оспаривавшими у послѣдователей истиннаго ученія право на наименованіе православными и истинными христіанами. Между православными христіанами и еретиками въ то время шли только пререканія относительно того, какая сторона сохранила древнее ученіе и какая отступила отъ него. „Удивляюсь я,—говоритъ пр. Маркъ,—какъ не стыдятся они Божественнаго Писанія, ясно говорящаго о нихъ, что *отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ; аще бы отъ насъ были, пребыли убо быша*

съ нами (1 Иоан. 2, 19). Однако, (эти) тернія (т. е. еретики), своими самыми острыми иглами касающіеся (нашего) сердца, безпощадно пронзаютъ насъ и говорятъ: „вы отъ насъ вышли“ (гл. XI). — Маркъ пустычникъ упоминаетъ даже, что помимо еретиковъ и православныхъ были въ то время еще люди колеблющіеся, не знавшіе, на чью сторону склониться. „Люди трудолюбивые, — говоритъ Маркъ, — Учителя, Владыку и Господа, распятаго за насъ и пренебрежнаго позоромъ, исповѣдуютъ, какъ Сына Божія, лица-же преданныя удовольствіямъ, или, лучше сказать, тщеславныя, такъ исповѣдывать Его стыдятся. При такой борьбѣ этихъ двухъ сторонъ, нѣкоторые колеблющіеся люди, видя высказываемое противорѣчіе и не будучи въ состояніи различить лучшаго отъ худшаго, думаютъ, что истинная вѣра не ясна“ (гл. I—II). Эти слова Марка пустычника, какъ нельзя лучше подтверждаютъ то предположеніе, что новооткрытое сочиненіе написано еще до вселенскаго собора, положившаго конецъ сомнѣніямъ и отдѣлившаго еретиковъ отъ православныхъ. А если такъ, то, значить, данное „Слово противъ несторіанъ“ могло явиться только до іюня мѣсяца 431 года, когда былъ созванъ третій вселенскій соборъ.

Такимъ образомъ, на основаніи новооткрытаго сочиненія, можно съ полною увѣренностью утверждать, что писатель „Слова противъ несторіанъ“, называемый въ саввайтскомъ кодексѣ Маркомъ пустычникомъ, былъ современникомъ Кирилла александрійскаго, Θεодорита киррекаго и ересіарха Несторія.

Пришедши, на основаніи внутреннихъ данныхъ новооткрытаго сочиненія, къ тому выводу, что Маркъ пустычникъ былъ писателемъ первой половины V вѣка, мы находимъ нужнымъ коснуться вопроса и о его мѣстожителствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить нѣкоторыя соображенія относительно его жизни и дѣятельности.

Русская литература о Маркѣ пустынникѣ не очень обширна. Спеціальныхъ изслѣдованій объ этотъ церковномъ писателѣ нѣтъ. О немъ есть лишь болѣе или менѣе значительные параграфы и главы въ общихъ системахъ по той или иной богословской наукѣ. Всего болѣе біографическихъ свѣдѣній о Маркѣ аскетѣ сообщается у *Филарета, архіепископа Черниговскаго* въ его „Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви“. Время жизни и дѣятельности Марка въ этомъ трудѣ не опредѣляется, а мѣстомъ жительства его считается Нитрійская пустыня въ Египтѣ, куда онъ удалился еще въ молодыхъ годахъ. По описанію преосв. Филарета подвижникъ Маркъ отличался особенною кротостью и воздержаніемъ, за что и былъ удостоенъ свыше дара чудотвореній, такъ что и св. тайны принималъ не отъ пресвитера, но отъ ангела. вмѣстѣ съ тѣмъ преп. Маркъ былъ человѣкъ богато одаренный способностями, въ особенности же обширною памятью, благодаря которой онъ зналъ все свящ. Писаніе наизусть. Между прочимъ, преосвящ. Филаретъ сообщаетъ о преп. Маркѣ и то, что послѣдній былъ ученикомъ и слушателемъ св. Іоанна Златоустаго. Скончался Маркъ столѣтнимъ старцемъ. Всѣ эти свѣдѣнія преосвящ. Филаретъ почерпнулъ изъ Палладіева Лавзаика, церковной исторіи Созомена, синаксаря въ греческой минеѣ и изъ церковной исторіи Никифора Каллиста. Въ виду того, что Галландій (Gallandius)—одинъ изъ издателей твореній, надписываемыхъ именемъ Марка отшельника,—на основаніи упоминанія Маркомъ въ посланіи къ монаху Николаю о „благочестивѣйшемъ сынѣ Епифаніи“, пришелъ къ тому выводу, что Маркъ нитрійскій не одно лицо съ Маркомъ—церковнымъ писателемъ,—преосвящ. Филаретъ въ подстрочномъ примѣчаніи къ параграфу о Маркѣ аскетѣ, на основаніи того же упоминанія о Епифаніи, старается доказать тожество Марка нитрійскаго съ Маркомъ-писателемъ.

Почти тѣже самыя свѣдѣнія сообщаются о Маркѣ и въ „Краткомъ сказаніи о преподобномъ отцѣ на-

шемъ Маркѣ подвижникѣ“, — сказаніи, служашемъ какъ-бы предисловіемъ къ изданному въ 1858 г. русскому переводу нравственно-подвижническихъ словъ Марка подвижника. Здѣсь также говорится о великой святости Марка и чудесномъ причащеніи его изъ рукъ ангела; также сообщается и о томъ, что жизнь этого подвижника подолжалась болѣе ста лѣтъ. Вновь добавляется здѣсь лишь то соображеніе, что „нѣкоторая разность въ сказаніяхъ о времени его жизни“, по всей вѣроятности, произошла отъ того, что Маркѣ подвижникѣ „былъ современникомъ и тѣхъ изъ святыхъ отцовъ, которые жили въ концѣ IV столѣтія, и тѣхъ, которые были въ началѣ V вѣка“.

Нѣсколько строкъ удѣляется Марку Подвижнику и въ сочиненіи *проф. П. Казанскаго*: „Объ источникахъ для исторіи монашества египетскаго въ IV и V вѣкахъ“, причемъ авторъ высказываетъ смѣлую догадку, что Маркѣ подвижникѣ, можетъ быть, одно лицо съ Макаріемъ александрійскимъ ¹⁾.

По словамъ преосвящ. Сергія („Полный мѣсяцесловъ Востока т. II“), Маркѣ, будучи 40 лѣтъ, сдѣлался монахомъ и 60 лѣтъ подвизался въ нитрійской пустынѣ. Время преп. Марка преосв. Сергій опредѣляетъ такимъ образомъ: „такъ какъ Маркѣ постникъ былъ слушатель Златоустаго, прожилъ 100 лѣтъ и 60 изъ нихъ провелъ, по разлученіи съ Златоустомъ, въ нитрійской пустынѣ, то кончину его слѣдуетъ полагать около половины V вѣка“. Къ этому преосв. Сергій добавляетъ, что „былъ и другой Маркѣ, также писатель, ученикъ Сильвана“, (т. II, замѣтки стр. 71). Остальныя свѣдѣнія о Маркѣ пустынникѣ, сообщаемыя преосвящ. Сергіемъ, тѣже самыя, что и у Филарета Черниговскаго.

Наконецъ, самымъ послѣднимъ по времени литературнымъ трудомъ, коснувшимся Марка пустынника, былъ трудъ *профессора Н. Барсова*, подъ заглавіемъ:

¹⁾ *Казанскій*, стр. 53.

„Очерки изъ исторіи христіанской проповѣди“. Барсовъ не даетъ біографическихъ свѣдѣній о Маркѣ аскетѣ. Признавая Марка, согласно сказанію Палладія, за египетскаго отшельника, проф. Барсовъ относитъ жизнь Марка къ IV вѣку. Но, сопоставляя сказанія Палладія съ историческими замѣтками Созомена и Никифора, Барсовъ не рѣшается сказать что-либо определенное относительно того, былъ-ли Маркъ Палладіевъ одно лицо съ Маркомъ, упоминаемымъ у Созомена и Никифора Каллиста, или же это были два совершенно различныя лица ¹⁾).

Вотъ и все, что можно найти въ русской литературѣ о Маркѣ пустынникѣ.

Свѣдѣнія, которыя сообщаются о Маркѣ въ указанныхъ сочиненіяхъ, поражаютъ своимъ разнорѣчіемъ, спутанностью и нерѣшительностью. Тогда какъ Казанскій, повидимому, сомнѣвается въ самомъ существованіи Марка, — преосвящ. Сергій утверждаетъ, что было даже два Марка и оба писатели; тогда какъ Барсовъ колеблется признать Марка Палладіева за одно лицо съ Маркомъ, упоминаемымъ у Созомена и Никифора, — преосв. Фаларетъ не только относитъ сказанія о Маркѣ аскетѣ, приводимыя у поименованныхъ греческихъ писателей, къ одному лицу, но даже категорически заявляетъ, что среди древнихъ церковныхъ писателей имя Марка носилъ только одинъ Маркъ нитрійскій. Въ виду такого неопредѣленнаго, еще не установившагося возрѣнія русскихъ духовныхъ писателей на личность Марка пустынника, мы находимъ необходимымъ рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) былъ-ли, дѣйствительно, церковный писатель съ именемъ Марка, и есть-ли у болѣе или менѣе древнихъ писателей упоминанія о писателѣ съ именемъ Марка? 2) Былъ-ли писателемъ Маркъ, упоминаемый у Палладія, и въ частности могъ ли онъ быть авторомъ „Слова противъ несторіанъ“? 3) Былъ-ли, на самомъ дѣлѣ, писателемъ Маркъ, уче-

¹⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1889 г., № 11, отд. I, стр. 745—746.

нѣкъ Сильвана? и, наконецъ. 4) Кто былъ истиннымъ писателемъ „Слова противъ несторіанъ“?

Древнія свидѣтельства о преп. Маркѣ, какъ писателѣ. Относительно того, былъ-ли среди древнихъ христіанскихъ подвижниковъ монахъ съ именемъ Марка, сомнѣваться нельзя. Древнія церковно-историческія сочиненія свидѣтельствуютъ, что монаховъ съ именемъ Марка въ III—V вѣкахъ было даже нѣсколько. Такъ, Палладій, въ своемъ „Лавзайкѣ“ ¹⁾, и Созомень въ своей „Церковной исторіи“ ²⁾ упоминаютъ о Маркѣ, подвижникѣ скитскомъ, современникѣ Макарія александрійскаго. У Іоанна Мосха въ „Лугѣ духовномъ“ ³⁾ говорится, между прочимъ, объ аввѣ Маркѣ отшельникѣ, проводившемъ жизнь близъ палестинскаго монастыря Пентуклы. Руфинъ ⁴⁾ и Пелагій ⁵⁾ говорятъ о Маркѣ, жившемъ въ скитской пустынѣ, ученикѣ аввы Сильвана. Но былъ-ли среди древнихъ монаховъ—подвижниковъ писатель съ именемъ Марка, это другой вопросъ. Ни Палладій, ни Созомень, ни Іоаннъ Мосхъ, ни Руфинъ, ни Пелагій объ упоминаемыхъ ими Маркахъ не говорятъ, чтобы эти монахи были писателями. Вотъ это-то молчаніе древнихъ историковъ о Маркѣ монахѣ, какъ писателѣ, и послужило для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ ученыхъ основаніемъ къ тому положенію, что церковнаго писателя съ именемъ Марка въ древней Церкви совсѣмъ не было, а тѣ сочиненія, которыя приписываются Марку пустынноку или подвижнику, принадлежатъ на самомъ дѣлѣ какому-нибудь другому писателю, хотя-бы, напримѣръ, Макарію александрійскому.

Но такой выводъ страдаетъ, однако, непростительною поспѣшностью. Не нужно забывать, что такіе

¹⁾ Гл. 19—20; русск. пер. Спб. 1850 г., стр. 72—73.

²⁾ Кн. VI, гл. 29; русск. пер. Спб. 1851 г., стр. 443.

³⁾ Гл. 13; русск. пер. М. 1848 г., стр. 14.

⁴⁾ Lib. 3; *Bollandius*. Acta sanct., martii, dies 5, pag. 366.

⁵⁾ Lib. 14, cap. 5—6; см. *Bollandius*, martii, pag. 366

историки, какъ Созоменъ и Руфинъ, писали исторію Церкви, а не исторію церковной литературы. Вниманіе ихъ преимущественно сосредоточивается на исторіи отношеній свѣтской власти къ духовной, т. е. императоровъ къ епископамъ, и на исторіи отношеній православныхъ къ еретикамъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Созоменъ и Руфинъ, вовсе не задававшіеся цѣлю представить систему патрологии или исторію церковной литературы, умалчиваютъ о литературной дѣятельности монаховъ, жившихъ вдали отъ шумной жизни многолюдныхъ городовъ. Что касается Палладія и Іоанна Мосха, то эти писатели имѣли въ виду представить предъ взоромъ своихъ читателей нравственное превосходство жизни монашеской предъ жизнью мірянъ; поэтому-то, какъ у Палладія, такъ и у Іоанна Мосха, передаются лишь подвиги и чудеса монаховъ, да еще тѣ изъ ихъ изреченій, которыя свидѣтельствуютъ объ отрѣшенности мысли и ума подвижниковъ отъ земныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, молчаніе указанныхъ древнихъ историковъ и писателей о Маркъ-писателѣ еще не можетъ само по себѣ служить основаніемъ къ отрицанію Марка-писателя, какъ исторической личности.

Указанія на Марка писателя, какъ на историческую личность, можно найти у святыхъ отцовъ и въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ, дошедшихъ до нашего времени. Имя Марка пустынника, какъ писателя, было извѣстно еще въ 1-й половинѣ VI вѣка. Въ библиотекѣ Британскаго музея, по каталогу Райта ¹⁾, находится въ настоящее время сирійская рукопись, принадлежащая, по всѣмъ даннымъ, къ 534 году. Въ этой рукописи помѣщены, въ переводѣ съ греческаго на сирійскій языкъ, два сочиненія, надписанныя именемъ Марка отшельника. Правда, многіе ученые, напримѣръ Кунцъ ²⁾, сомнѣваются въ принадлежности

¹⁾ *Wright*. Catal. of Syriac Manuscr. in the British Museum. 1871. ²⁾ *Kunze*. Marcus Eremita. Leipzig, 1894, pag. 32.

этихъ сочиненій Марку; но если даже таковое сомнѣніе этихъ ученыхъ окажется, дѣйствительно, вполне справедливымъ, то свидѣтельство этой древней рукописи, несомнѣнно принадлежащей къ 1-й половинѣ VI вѣка, все-таки нисколько не потеряетъ своего значенія. Эта рукопись всегда будетъ свидѣтельствовать о томъ, что въ христіанскомъ образованномъ обществѣ VI вѣка имя Марка, какъ писателя, было уже не только извѣстно, но даже очень популярно, такъ что именемъ этого писателя надписывали такія сочиненія, которыя, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не принадлежали ему.

Обратимся теперь къ свидѣтельству отцевъ церкви, которые, приводя въ своихъ твореніяхъ отрывки изъ писаній преп. Марка, упоминаютъ и самое имя цитируемаго ими автора ¹⁾. На первомъ мѣстѣ въ ряду такихъ отцовъ и церковныхъ писателей слѣдуетъ поставить авву Дорофея, игумена одного изъ палестинскихъ монастырей ²⁾. Время жизни этого писателя относится

---

¹⁾ Сочиненія, приписываемыя Марку Пустыннику, насколько можно судить по цитатамъ, приводимымъ изъ этихъ сочиненій въ твореніяхъ другихъ отцовъ, были извѣстны въ христіанскомъ мірѣ даже за цѣлое столѣтіе раньше появленія на свѣтъ вышеупомянутой сирской рукописи. Но такъ какъ самый древній изъ отцовъ, приводящихъ цитаты изъ сочиненій, приписываемыхъ Марку Пустыннику, не упоминаетъ самаго имени Марка, то цитатами его мы воспользуемся въ послѣдствіи для подтвержденія другого нашего положенія.

²⁾ Впрочемъ, Remondinus и Assemanius утверждаютъ, что имя Марка Опшелыника, какъ писателя, упоминается еще у Исаака Срина, который будто-бы даже приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ цитаты изъ Преп. Марка. Если, дѣйствительно, Исаакъ Сринъ цитируетъ Марка и упоминаетъ его имя, то, очевидно, на нашей сторонѣ будетъ новое, весьма важное свидѣтельство о Маркѣ писателѣ, какъ исторической личности, такъ какъ Исаакъ Сринъ жилъ на полустолѣтіе раньше аввы Дорофея. Правда, преосв. Филаретъ черниговскій и Сергій владимірскій полагаютъ кончину Исаака Срина въ концѣ VII вѣка, но это совершенно несправедливо. Кончина этого отца, по всей вѣроятности, относится ко 2-й половинѣ XI вѣка, такъ какъ а) Исаакъ Сринъ писалъ

ко второй половинѣ VI столѣтія и къ первой четверти VII вѣка; кончина его полагается обыкновенно въ 620 году. Въ „Наставленіяхъ“ (*Διδασκαλία*—*doctrinae*) этого отца есть двѣ цитаты, почти буквально приводимыя изъ сочиненій, приписываемыхъ Марку подвижнику. Приводя слова этого церковнаго писателя, авва Дороеей предварительно замѣчаетъ, что слова эти принадлежатъ „аввѣ блаженному Марку“. Вотъ эти цитаты:

У Марка, въ сочиненіи:

„О тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами“.

Ἐχτός συντριμμοῦ καρδίας ἀδύνατον καθόλου ἀπαλλαγεῖν κακίας.

„Безъ сокрушенія сердца невозможно совершенно избавиться отъ зла“¹⁾.

У Дороеея:

Ὡς εἶπεν ὁ ἄββας Μάρκος· ἀνευ συντριβῆς καρδίας ἀδύνατον ἀπαλλαγεῖν κακίας καὶ κτήσασθαι ἀρετήν.

„Какъ сказалъ авва Маркъ: безъ сокрушенія сердца невозможно избавиться отъ зла и стяжать добродѣтель“²⁾.

письмо къ преп. Симсону Дивногорцу, а этотъ послѣдній скончался въ 596 г.; очевидно, что письмо было написано до этого года; б) въ своемъ 33 нравственно-подвижническомъ словѣ Исаакъ говоритъ, между прочимъ, что диавольъ возстаетъ противъ святыхъ людей вотъ уже „шесть тысячъ лѣтъ“; ясно, что слова эти были написаны въ 500-хъ годахъ. Итакъ, Исаакъ Сиринъ могъ бы быть для насъ весьма важнымъ свидѣтелемъ, но, къ сожалѣнію, не смотря на всю ту тщательность, съ которою мы провѣряли слова Remondini и Assemani, мы не нашли въ твореніяхъ Исаака Сирина ни имени Марка Отшельника, ни цитаты изъ его сочиненій. Да и сами эти—Remondini и Assemanius почему-то лишь мимоходомъ замѣчаютъ, что Исаакъ пользуется словами Марка, хваля этого писателя; сопоставленій же словъ Исаака съ подлинными словами Марка они не дѣлаютъ. (Подлинныя слова Remondini и Assemani можно читать и у Kunze въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ стран 33).

¹⁾ De justif., 197 (по счету русск. перев. 1858 г., ст. 210).

²⁾ *Διδασκαλία* I, 9 (Migne, Patr. Graeca, t LXXXVIII, 1628).

У Марка, въ сочиненіи:
„О законѣ духовномъ“.

Καχία ἐν λογισμοῖς μελετωμένη θραβύνει καρδίαν, ἀναιρουμένη δὲ εὐκρατείας καὶ ἐλπίδος συντρίβει αὐτήν.

„Злоба . питаемая помысленіями, дѣлаеть сердце дерзкимъ, а истребляемая воздержаніемъ и надеждою, сокрушаеть его“¹⁾.

У Дорофея:

Ὡς εἶπεν ὁ ἀββᾶς μακάριος Μάρκος· καχία ἐν λογισμοῖς μελετωμένη θραβύνει καρδίαν ἀναιρουμένη δὲ διὰ προσευχῆς καὶ ἐλπίδος συντρίβει αὐτήν.

„Какъ сказалъ авва блаженный Маркъ: злоба, питаемая помысленіями, дѣлаеть сердце дерзкимъ,— истребляемая же молитвою и надеждою, сокрушаеть его“²⁾.

Приведенныя цитаты аввы Дорофея, изъ сочиненій Марка, ясно свидѣтельствуютъ, что авва Маркъ въ концѣ VI и началѣ VII вѣка былъ уже извѣстенъ, какъ такой писатель, литературная дѣятельность котораго давно завершилась п со времени кончины котораго прашло уже много лѣтъ.

Вторымъ по древности писателемъ, упоминающимъ имя Марка монаха, какъ извѣстнаго писателя, былъ Анастасій Синаитъ, пресвитеръ и игумень Синайской горы³⁾. Въ своемъ сочиненіи: „Вопросы и отвѣты“, Анастасій Синаитъ, давая отвѣтъ на вопросъ 1-й (Какія признаки истиннаго христіанства?), приводитъ изреченія различныхъ писателей, въ томъ числѣ и „Марка монаха“. Правда, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто „Μάρκου μοναχοῦ“ читается „Μακαρίου μοναχοῦ“⁴⁾.

¹⁾ De lege spirit. 14, (по русск. счету, 17).

²⁾ *Λιδασκ.*, VIII, 2 (Migne, t. LXXXVIII, 1708).

³⁾ Приблизительно въ 686 году.

⁴⁾ Даже у Мнся поставлено имя Макарія, впрочемъ въ подстрочномъ примѣчаніи замѣчено, что есть иной вариантъ, гдѣ стоитъ имя Марка.

Но этому разночтенію нельзя придавать большаго значенія, такъ какъ въ большинствѣ рукописей читается имя Марка монаха. Поэтому-то и издатели твореній Анастасія Синаита, перечисляя тѣхъ святыхъ отцовъ, свидѣтельствами и изреченіями которыхъ этотъ писатель пользуется, ставятъ въ спискѣ этихъ отцовъ, изъ которыхъ Анастасій Синаитъ приводитъ буквальную выписку (*Catalogus scriptorum*) имя не Макарія, а Марка ¹⁾. Къ тому же самое сочиненіе Марка, изъ котораго Анастасій Синаитъ приводитъ буквальную выписку („О тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами“ ²⁾), принадлежитъ, по болѣе древнему свидѣтельству аввы Дорофея,—какъ мы видѣли,—преп. Марку.

Іоаннъ Дамаскинъ, время жизни котораго относится къ VIII вѣку, въ одномъ изъ своихъ твореній приводитъ цитату изъ посланія Марка подвижника къ монаху Николаю, называя автора посланія „мудрейшимъ среди подвижниковъ“ (*ὁ ἐν ἀσκηταῖς σοφώτατος*) ³⁾.

1) Тотъ же Минь; t. LXXXIX, 311.

2) Вотъ слова Марка, съ буквальной точностью выписанные у Анастасія Синаита: „*Τινὲς μὴ ποιοῦντες τὰς ἐπιτολάς, πιστεύειν ὀρθῶς νομίζουσι· τινὲς δὲ ποιοῦντες, ὡς μισθὸν ὀφειλόμενον τῇ βασιλείᾳ ἐκδέχονται· ἀμφότεροι τὲ τῆς βασιλείας ἀπεσφάλησαν*“. De justif., 17. (по русск., 18) = *ἐρωτήσις α'* (Migne, t. LXXXIX, 342).

3) Вотъ слова Пр. Іоанна Дамаскина: „*οὐχ ἀμαρτάνει δὲ ὁ ἄνθρωπος, εἰ μὴ πρότερον οἱ κραταῖοι οὗτοι γίγαντες, καθὼς φησὶν ὁ ἐν ἀσκηταῖς σοφώτατος Μάρκος, περιγέγονται καὶ κατακρυεύσωσιν αὐτοῦ ἥτοι λήθη, θάθυμία καὶ ἀγνοία*“ (De octo spirit. peccitate, Migne, t. XCV, 89). Правда, у Марка Подвижника нѣтъ такой фразы, но мысль, переданная Іоанномъ Дамаскинымъ въ этомъ предложеніи, составляетъ предметъ 12-й и 13-й главъ посланія Марка къ ученику своему Николаю (*Gallandius*. Biblioth. veterum patrum, t. VIII, pag. 63—64; замѣтимъ кстати, что въ русскомъ переводѣ 1858 года посланіе Марка къ Николаю на главы не раздѣлено), при чемъ нѣкоторыя выраженія изъ приведеннаго періода, дѣйствительно.

Пр. Маркъ скитскій (нистрійскій), какъ писатель.
Итакъ несомнѣнно, что среди древнихъ подвижниковъ былъ извѣстенъ писатель съ именемъ Марка пустычника, или аскета. Но кто-же былъ этотъ Маркъ? Не былъ-ли этимъ писателемъ тотъ Маркъ, о которомъ говоритъ Палладій въ своемъ Лавзаякѣ? Не этому-ли Марку принадлежитъ и „Слово противъ несторіанъ“?

Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно прежде всего установить хронологію жизни Марка, упоминаемаго у Палладія. Рѣчь о Маркѣ у Палладія ведется въ XIX и XX главахъ Лавзаяка, по современному дѣленію. Въ концѣ XIX главы Палладій, со словъ Макарія александрійскаго, рассказываетъ о чудесномъ приращеніи Марка ангеломъ, а въ XX передаетъ бесѣду 100-лѣтняго Марка съ самимъ собою. Эта послѣдняя глава (XX) и должна бы служить главнымъ основаніемъ для опредѣленія времени жизни преп. Марка. Вотъ начало этой главы: „Маркъ сей еще въ юности звалъ наизусть Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта; онъ былъ чрезвычайно кротокъ и скромнъ, какъ едва-ли кто друіой. Въ одинъ день на досугѣ пошелъ я къ нему (онъ былъ уже въ глубокой старости) и сѣвши у дверей его кельи, (какъ повоначальный, я считалъ его выше челоуѣка, и онъ дѣйствительно былъ таковъ), сталъ прислушиваться—что онъ говоритъ или что дѣлаетъ. Совершенно одинъ внутри кельи, почти столѣтній старецъ, у котораго уже и зубовъ не было,—онъ все еще боролся съ самимъ собою и съ діаволомъ“¹⁾. Но ставятъ вопросъ: о самомъ-ли себѣ говоритъ Палладій, замѣчалъ: „въ одинъ день на досугѣ пошелъ я къ нему“? или же вся XX глава, подобно предыдущей, повѣствуется со словъ преп. Макарія александрійскаго?

почти буквально заимствованы изъ Марка (напр., *οἱ κραταῖοι οἱ τοῦ γύρατες* = у Марка: *οἱ τοῦ πρηροῦ ἰσχυροὶ γύρατες*, также: *ἦτοι λήθη, βραδυρία καὶ ἄγνοια* = у Марка: *λήθην λέγω, καὶ βραδυρίαν, καὶ ἄγνοϊαν*).

¹⁾ Гл. XX; русскій пер., стр. 72—73.

Въ пониманіи приведенныхъ словъ Лавзаика изслѣдователи расходятся между собой. Такъ, по мысли Вагенманна, Палладій самъ видѣлъ Марка ¹⁾; Тильмонъ же не рѣшается сказать что-либо определенное по этому поводу (можетъ быть, Палладій видѣлъ Марка, а, можетъ быть, только слышалъ о немъ ²⁾). На нашъ взглядъ, вѣрнѣе всего понимать XX главу Лавзаика въ томъ смыслѣ, что весь разговоръ ея ведется Палладіемъ со словъ Макарія александрійскаго и что именно этотъ послѣдній, а не самъ Палладій, подслушивалъ бесѣду 100-лѣтняго Марка съ самимъ собою. Основаніемъ къ такому пониманію XX гл. Лавзаика для насъ служить, во-первыхъ, то обстоятельство, что дѣленіе Лавзаика на главы, принятое въ настоящее время, принадлежитъ не самому Палладію, а позднѣйшимъ переписчикамъ и издателямъ этого сочиненія. И XX глава можетъ быть нѣкогда была соединена въ одну главу съ концомъ XIX главы, со словъ: „Дивный мужъ сей (т. е. Макарій александрійскій) рассказывалъ намъ“ и т. д.. Во-вторыхъ, такъ понимали разговоръ Палладія всѣ средне-вѣковые и новѣйшіе составители Четы-Миней и Житій Святыхъ, въ томъ числѣ и св. Димитрій Ростовскій. Излагая житіе преп. Макарія александрійскаго, св. Димитрій Ростовскій говоритъ, между прочимъ: „тому Палладію (автору Лавзаика) преподобный Макарій на пользу повѣда о преподобномъ Маркѣ, яко отъ рукъ ангельскихъ причащеніе Божественныхъ таинъ приемляше“. Потомъ, рассказавъ объ этомъ чудѣ, св. Димитрій продолжаетъ: „Во единъ же отъ дней празденъ сый въ келліи моей, *глаголетъ Макарій святой*, идохъ къ нему состарѣвшуся уже и сѣдохъ при дверехъ келліи его“. И передавъ почти буквально словами Лавзаика бесѣду Марка съ самимъ собою, Димитрій добавляетъ:

¹⁾ Herzog. Real-Encyclopädie, t. XX. Gota, 1866, pag. 85.

²⁾ *Tillemont*. Memoires pour servir a l'histoire eccl. de VI piem. siècles. t. X. Paris. 1705, pag. 457.

„то святой Макарий повѣда Палладію, иже и написа сѧ“¹⁾). Да и въ самомъ дѣлѣ, не предубѣжденный читатель, обладающій здравымъ смысломъ, прочитавъ конецъ XIX-й и XX главу Лавзаика, безъ сомнѣнія, скажетъ, что XX глава есть продолженіе предыдущей и что весь рассказъ ея, дѣйствительно, ведется отъ лица Макарія александрійскаго. А если такъ, то Маркъ подвижникъ нитрійскій былъ столѣтнимъ старцемъ еще въ первые годы жизни Макарія александрійскаго среди египетскихъ монаховъ. Макарій же александрійскій, по словамъ Палладія, удалившись отъ міра на сороковомъ году своей жизни, 60 лѣтъ провелъ въ пустынѣ нитрійской²⁾ и скончался чрезъ три года послѣ того, какъ Палладій пришелъ къ нему въ пустыню, т. е. около 395—396 года ($388 + 3 + 1 + 3 = 395$). Начало монашеской жизни Макарія относится, поэтому, къ 335—336 г. по Р. Хр. ($395 - 60 = 335$). Марку же аскету въ это время, по словамъ Лавзаика, было уже около 100 лѣтъ; слѣдовательно, преп. Маркъ нитрійскій родился около 235 года, скончался же приблизительно въ 336 году. Очевидно, что этотъ Маркъ никоимъ образомъ не могъ быть авторомъ новооткрытаго „Слова противъ несторіанъ“, которое не могло появиться ранѣе 428 года. Не могъ онъ быть также слушателемъ и ученикомъ св. Іоанна Златоустаго, проповѣдническая дѣятельность котораго началась только въ 386 году³⁾).

¹⁾ Книга житій святыхъ. Январь, 19 день. Изд. Москва, 1852 г. листъ 73 обор. и 74. ²⁾ Гл. XIX.

³⁾ Если даже XX гл. Лавзаика будемъ понимать въ томъ смыслѣ, что Палладій самъ видѣлъ столѣтняго Марка, то и въ этомъ случаѣ Маркъ никакъ не могъ быть авторомъ „Слова противъ несторіанъ“. Палладій могъ видѣть Марка только въ 392—401 годахъ. И если въ это время Марку было 100 лѣтъ, то въ 428 году ему должно было быть болѣе 130 лѣтъ. Но такого престарѣлаго писателя церковная исторія не знаетъ, да онъ и не мыслимъ.

Но если Маркъ нитрійскій, упоминаемый у Палладія, не могъ быть составителемъ „Слова противъ несторіанъ“, то не былъ-ли онъ писателемъ вообще; не оставилъ-ли онъ послѣ себя какихъ-либо другихъ литературныхъ трудовъ? Его называютъ писателемъ — Мѣсяцесловъ императора Василия Порфиророднаго и Синаксарь въ греческихъ мѣсяцехъ на 5-й день марта мѣсяца. Здѣсь прямо говорится, что „сей (т. е. Маркъ Палладіевъ), будучи трудолюбивымъ во всѣхъ отношеніяхъ, предался вмѣстѣ съ тѣмъ и упражненіямъ въ Божественномъ Писаніи и достигъ высоты подвига и добродѣтели, — доказательствомъ того и другого служатъ написанныя имъ слова, полныя всякаго назиданія и пользы“¹⁾.

Въ виду этого мы предполагаемъ, что всѣ тѣ творенія, которыя въ наше время извѣстны съ именемъ Марка Пустынника, или Подвижника, вышли изъ-подъ пера не одного, а двухъ церковныхъ писателей.

Всѣхъ твореній, извѣстныхъ въ настоящее время съ именемъ Марка, насчитывается двѣнадцать: — 1) О законѣ духовномъ — 2) О тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами. — 3) О покаяніи, всегда и всѣмъ необходимомъ, при той силѣ дѣйствія, которую вѣрныя и прежде дѣланія получили чрезъ благодать крещенія. — 4) Отвѣтъ недоумѣвающимъ о святомъ крещеніи. — 5) Совѣты ума своей душѣ. — 6) Преніе схоластика съ аввою Маркомъ. — 7) О духовномъ раѣ и законѣ. — 8) О постѣ и смиреніи. — 9) Посланіе къ монаху Николаю. — 10) Главы о трезвеніи. — 11) Противъ мелхиседекіанъ и — 12) Противъ несторіанъ.

Изъ этого перечня приписываемыхъ Марку подвижнику сочиненій видно, что всѣ они дѣлятся на двѣ, совершенно не равныя, группы. Къ первой группѣ от-

¹⁾ *Μηναιον του Μαρτιου*, 1820, Βενετία; σ. 20. — Мѣсяцесловъ Василия, см. *Bollandius*, Acta sanct., т. VII, pag. 862.

носятся первыя десять твореній нравственно-аскетическаго содержанія, вторая группа состоитъ только изъ двухъ сочиненій догматико-полемическаго характера. при чемъ, если мы обратимся къ болѣе тщательному разсмотрѣнiю всѣхъ этихъ сочиненій, то неизбѣжно придемъ къ тому заключенiю, что слова догматико-полемическiя написаны, очевидно, не тѣмъ авторомъ, которому принадлежатъ слова нравственно-подвижническiя.

Въ происхожденiи двухъ догматико-полемическихъ сочиненiй („Противъ мелхиседекiанъ“ и „Противъ несторiанъ“) отъ одного автора не можетъ быть сомнѣнiя. Единство ихъ писателя доказывается сходствомъ литературныхъ и полемическихъ приѣмовъ, сходствомъ слога и тожествомъ самыхъ мыслей, которыя нерѣдко высказываются въ томъ и другомъ сочиненiи почти въ однихъ и тѣхъ же выраженiяхъ и словахъ ¹⁾.

1) Чтобы не остаться голословными, приведемъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ того и другого сочиненiя.

Противъ нестор.

Οὐτε γυνὸν Θεόν οὔτε φίλον ἄνθρωπον, ἀλλὰ Θεὸν ἅμα καὶ ἄνθρωπον, ὃς ἐστὶν Χριστὸς Ἰησοῦς (cap. XIV).

Δεῖξόν μοι ἐν τῇ θείᾳ γραφῇ χωριζόμενον Αὐτὸν καὶ γὰρ εἶπης, ὅτι ἐγεννήθη, ἀλλ' οὐ γυνὸς Θεός, οὐδὲ φίλος ἄνθρωπος, ἀλλ' εἶπεν ἡ γραφὴ τὸ συναμφοτερον, ὅτι Χριστὸς ἐγεννήθη (cap. X).

“Οτι δι' ἡμᾶς ο λόγος σὰρξ ἐγένετο, κατὰ τὴν θείαν γραφὴν, οὐ τραπεὶς εἰς ἄνθρωπον, ἀλλ' ἐνωθεὶς καθ' ὑπόστασιν (cap. XXI).

Противъ мелхисел.

Οὐκ εἶπε γὰρ ἡ γραφή, ὅτι ἐγεννήθη φίλος ἄνθρωπος, ὡς ὑμεῖς λέγετε, ὁ Θεὸς λόγος, ἀλλ' ὁ Χριστὸς, ὃς ἐστὶ Θεὸς ἅμα καὶ ἄνθρωπος, ἀμίριστος καὶ ἀδιαίρετος Υἱὸς Θεοῦ (cap. V).

Πιστεύετε τῷ εὐαγγελίῳ, ὅτι ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο, οὐ τραπεὶς εἰς ἄνθρωπον, ἀλλὰ ἄνθρωπον εἰς ἑαυτὸν προσλαβόμενος (cap. IV).

Итакъ, несомнѣнно, что новооткрытое „Слово противъ несторіанъ“ и другое слово „противъ мелхиседекіанъ“ принадлежатъ одному и тому же автору. Между тѣмъ доказать принадлежность остальныхъ десяти сочиненій тому же самому писателю, который составилъ и догматико-полемиическія слова, — едва-ли возможно, не прибѣгая къ крайнимъ натяжкамъ.

Прежде всего, въ сочиненіяхъ указанныхъ группъ обращаетъ на себя вниманіе различіе въ литературныхъ пріемахъ. Въ сочиненіяхъ нравственно-аскетическихъ авторъ раскрываетъ преимущественно свое положительное ученіе о томъ или иномъ предметѣ и лишь изрѣдка касается ученія противниковъ, хотя нѣкоторые изъ этихъ сочиненій, судя по ихъ заглавіямъ, направлены прямо противъ людей, нераздѣляющихъ воззрѣній самого автора; таковы, напримѣръ, сочиненія: „О тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами“ и „Отвѣтъ недоумѣвающимъ о святомъ крещеніи“. Между тѣмъ, въ сочиненіяхъ догматико-полемиическихъ писатель главнымъ образомъ сосредоточивается на опроверженіи положеній еретиковъ. — Во-вторыхъ, въ сочиненіяхъ первой группы церковный писатель всѣ свои положенія раскрываетъ, если не исключительно, то преимущественно, на основаніи своего внутренняго опыта, на основаніи психологическаго анализа; даже о такихъ предметахъ, которые, повидимому, всего менѣе могутъ имѣть соприкосновенія съ психологіей (какъ, напримѣръ, вопросъ „о крещеніи“), авторъ говоритъ не иначе, какъ съ психологической точки зрѣнія. Между тѣмъ, въ словахъ догматико-полемиическихъ писатель все сводитъ къ голымъ логическимъ формуламъ; въ основу этихъ сочиненій полагаетъ не психологическій анализъ, а логическіе законы мышленія. Авторъ беретъ извѣстный текстъ Свящ. Писанія, указываетъ противорѣчія еретиковъ данному тексту и устанавливаетъ правильное воззрѣніе на обсуждаемый предметъ. — Въ-третьихъ, сочиненія первой группы отличаются объективнымъ изложеніемъ ученія о томъ или иномъ предметѣ. Тонъ

этихъ сочиненій спокойный, ровный. Это спокойствіе автора не нарушается даже въ тѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ не только имѣетъ дѣло съ ученіемъ противникомъ, но оказывается даже поставленнымъ лицомъ къ лицу съ послѣдними, какъ, напримѣръ, въ сочиненіи: „Преніе съ схоластикомъ“. Въ этомъ сочиненіи авва Маркъ даетъ обстоятельные, спокойные отвѣты на всѣ вопросы схоластика; даже при укоризнахъ и негодованіяхъ, со стороны послѣдняго, авва не теряетъ своего спокойствія, но, продолжая свою кроткую, мирную рѣчь, онъ лишь изрѣдка сопровождаетъ ее глубокими вздохами. Такъ и слышится въ этомъ „Преніи“ голосъ того старца, о которомъ сказалъ Палладій: „онъ былъ чрезвычайно кротокъ и скроменъ, какъ едва-ли кто другой“. Да и вообще, упоминая о тѣхъ или другихъ еретикахъ, напримѣръ о новаціанахъ, въ „Словѣ о покаяніи“, авторъ аскетическихъ сочиненій нигдѣ къ названію еретиковъ не прибавляетъ никакого унижительнаго и оскорбительнаго для нихъ эпитета. Между тѣмъ, тонъ сочиненій догматическихъ рѣзкій, возбужденный, горячій. Авторъ не столько занятъ раскрытіемъ своего положительнаго ученія, сколько обличеніемъ еретиковъ. Его новооткрытое „Слово противъ несторіанъ“ представляетъ изъ себя полнѣйшій контрастъ сочиненіямъ нравственно-подвижническимъ. Это „Слово“ почти все состоитъ изъ вопросовъ и восклицаній. Мало того; авторъ далеко не спокойно относится къ своимъ противникамъ; говоря о нихъ или обращаясь къ нимъ, онъ называетъ ихъ не иначе, какъ „еретиками“ (*αἱρετικοί*), „зловѣрными“ (*καχόπιστοι*), „нечестивцами“ (*βέβηλοι*), „отступниками“ (*ἀποστάται*), „обманщиками“ (*λουοκλέπται*), „терніями“ (*τροίβολοι*) и т. д. Ихъ ученіе онъ называетъ „зловѣріемъ“ (*καχοπιστία*), „зломысліемъ“ (*καχονοία*), „зломудріемъ“ (*καχοφροσύνη*) и т. д.—Въ четвертыхъ, означенныя группы сочиненій отличаются другъ отъ друга и по слогу. Слогъ сочиненій нравственно-аскетическихъ отличается округленностью и даже тяжеловатостью; относительно же слога

сочиненій догматическихъ этого сказать нельзя.—Въ-пятыхъ, та и другая группа отличается одна отъ другой и по способу изложенія мыслей; и это различіе довольно рѣзкое. Въ словахъ нравственно-аскетическихъ сочиненій мысли излагаются плавно, безъ всякихъ повтореній и отступленій отъ главной идеи; такъ что, не смотря на тяжеловатость слога и даже на темноту и глубину мыслей, эти сочиненія читаются съ неменьшею легкостью, чѣмъ слова догматическія. Изложеніе мыслей въ послѣднихъ поражаетъ читателя многочисленными повтореніями. Почти въ каждой главѣ, на каждой страницѣ авторъ повгоряетъ одни и тѣ же слова и выраженія и притомъ въ одной и той же послѣдовательности. Опровергая ученіе еретиковъ, онъ употребляетъ вездѣ и всюду одинъ и тотъ же, какъ-бы заученный пріемъ.—Но наиболѣе существенное различіе между сочиненіями аскетическими и догматическими состоитъ въ различіи самыхъ воззрѣній на природу человека и на источникъ грѣха; а это различіе можетъ быть объяснено единственно только тѣмъ, что сочиненія эти принадлежатъ разнымъ авторамъ, имѣвшимъ различное міровоззрѣніе. Правда, авторъ догматическихъ сочиненій слишкомъ мало излагаетъ свои воззрѣнія на внутреннюю жизнь человека, однако данныя для опредѣленія характера этихъ воззрѣній можно найти въ 29 главѣ. Чтобы показать дѣйствительное различіе въ аскетическихъ воззрѣніяхъ, проводимыхъ въ нравственно-подвижническихъ и догматическихъ сочиненіяхъ, мы приведемъ два отрывка: одинъ изъ сочиненія „О думающихъ оправдаться дѣлами“, другой изъ новооткрытаго „Слова противъ несторіанъ“. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ первомъ изъ этихъ сочиненій: „Безъ сокрушенія сердца невозможно совершенно избавиться отъ зла; а сердце сокрушается отъ тройственнаго воздержанія: отъ сна, говорю, пищи и тѣлеснаго покоя“¹⁾. Какъ можно видѣть изъ этого

¹⁾ Сар. СХСѢП (по русск. счету, 210).

текста, авторъ цитируемаго сочиненія видитъ источникъ нравственнаго зла во плоти, порождающей сладострастiе, которое „принимаетъ злыя помыслы и противится молитвѣ и приличному служенiю“. Эта же самая мысль въ „Пренiи съ схоластикомъ“ излагается слѣдующимъ образомъ: „воля плоти есть укрѣпляемая сномъ и покоемъ тѣла естественное движенiе тѣла и послѣдующее за нимъ разжженiе безъ помысловъ“¹⁾). Но совершенно инныя мысли высказываются въ „Словѣ противъ несторiанъ“. Авторъ этого „Слова“, перечисливъ въ XXIX главѣ дѣла Христа по плоти, дѣлаетъ такое заключенiе, которое прямо отрицаетъ мысли, высказанныя въ предшествующихъ сочиненiяхъ. „Онъ, — говоритъ авторъ о Христѣ, — воспринялъ не одну только плоть нашу, но и (свойственныя ей) по ея природѣ дѣла, кромѣ грѣха, чтобы мы познали, что ни одна изъ естественныхъ (потребностей) не понуждаетъ (насъ) ко грѣху“. Очевидно, что для писателя „Слова противъ несторiанъ“ источникъ грѣха представляется совсѣмъ не въ „волѣ плоти“ и не въ движенiяхъ послѣдней.

Указанныя отличiя въ сочиненiяхъ подвижническихъ и догматическихъ приводятъ къ убѣжденiю, что эти двѣ группы словъ принадлежатъ совершенно различнымъ авторамъ.

И мы склоняемся къ тому мнѣнiю, что слова нравственно-подвижническiя принадлежатъ тому именно Марку, о которомъ говоритъ Палладiй въ XIX и XX главахъ своего Лавзаика.

Какъ на доказательство принадлежности аскетическихъ словъ Марку Палладiеву укажемъ прежде всего на самый тонъ этихъ сочиненiй, — тонъ, какъ нельзя болѣе, соответствующiй свидѣтельству Палладiя о Маркѣ, какъ о человѣкѣ весьма кроткомъ и скромномъ. Во-вторыхъ, доказательствомъ нашего мнѣнiя служить то обстоятельство, что записанная у Палладiя въ Лавзаикѣ бесѣда Марка съ самимъ собой, есть не иное

¹⁾ Сар. XXI (по русск. пер., стр. 244—245).

что, какъ обобщеніе и практической результатъ тѣхъ нравственныхъ положеній, которыя раскрываются въ аскетическихъ словахъ. Въ третьихъ, о принадлежности нравственно-подвижническихъ сочиненій Марку Палладіеву свидѣтельствуетъ знакомство церковныхъ писателей конца IV и начала V вѣка съ нѣкоторыми изъ этихъ сочиненій. Такъ, съ сочиненіями „О законѣ духовномъ“ и „О тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами“ былъ знакомъ еще преп. Исихій іерусалимскій, кончина котораго относится къ 432 году. Этотъ церковный писатель въ своемъ „Словѣ къ Θεодулу о трезвеніи и добродѣтели“, раздѣленномъ на двѣ „сотницы“ (centuriae), приводитъ слово въ слово отрывки изъ аскетическихъ сочиненій Марка подвижника, не упоминая, впрочемъ, имени цитируемаго автора ¹⁾.

Это знакомство преп. Исихія, писателя начала V вѣка ²⁾, съ твореніями аввы Марка прямо свидѣтельствуетъ о происхожденіи нравственно-аскетическихъ словъ Марка до V вѣка. Для того, чтобы сочиненія монаха, жившаго вдали отъ центровъ цивилизаціи и крупныхъ городовъ, получили значительное распространеніе, нужно было очень много времени. Быстро распространяться въ тѣ времена могли только слова и творенія знаменитыхъ и выдающихся архипастырей большихъ городовъ. Поэтому, если въ началѣ V вѣка сочиненія съ именемъ Марка представляются уже значительно распространенными, то, значитъ, происхожденіе ихъ относится къ гораздо раньшему времени,

¹⁾ Вотъ параллель между сочиненіями Марка и „Словомъ“ Исихія:

55	гл. I сотн.	Исихія =	117 гл.	„О законѣ духовн.“
56	„ „ „	„ =	118—119 гл.	„ „ „
57	„ „ „	„ =	103 гл.	„ „ „
58	„ „ „	„ =	105 „	„ „ „
59	„ „ „	„ =	106 „	„ „ „
79	„ „ „	„ =	2—3 „	„О дум. оправд. дѣлами“.
80	„ „ „	„ =	4—7 „	„ „ „

²⁾ *Migne*, t. XCIII, 1497, 1499, 1503.

именно къ IV вѣку, даже къ началу этого вѣка, т. е. къ тому самому времени, когда жилъ Маркъ келлійскій, упоминаемый у Палладія ¹⁾).

¹⁾ Весьма важное значеніе для опредѣленія времени происхожденія нравственно-подвижническихъ словъ, извѣстныхъ съ именемъ Марка Пустынника, могло бы имѣть упоминаніе въ „Посланіи къ Николаю“ о „благочестивѣйшемъ сынѣ Епифаніи“, если бы была возможность доказать, что этотъ Епифаній одно лицо съ Епифаніемъ, бывшимъ впоследствии епископомъ кипрскимъ. Но въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для опредѣленія личности этого Епифанія... На основаніи упоминанія Маркомъ о Епифаніи, Галландій пришелъ къ тому выводу, что Маркъ писатель не одно лицо съ Маркомъ нитрійскимъ, такъ какъ „Маркъ Палладіевъ, монахъ, жившій въ Келліяхъ, едва-ли бы назвалъ этимъ именемъ Епифанія елѣвоеропольскаго, который сначала проводилъ монашескую жизнь въ Палестинѣ, былъ ученикомъ Иларіона Великаго и потомъ въ 368 году былъ избранъ въ епископы въ Саламинѣ на Кипрѣ“ (Bibl. veter patrum, t. VIII, pag. III). Преосвящ. Филаретъ, напротивъ, видитъ въ этомъ упоминаніи о Епифаніи указаніе на тожество Марка писателя съ Маркомъ нитрійскимъ, такъ какъ „извѣстно, что Епифаній кипрскій посѣщалъ нитрійскихъ монаховъ“. Но эта полемика Филарета съ Галландіемъ есть одно лишь чистѣйшее недоразумѣніе. Если бы Галландій, повѣрившій на слово какому-то „ученому мужу Ремонду“, и Филаретъ, узнавшій объ упоминаніи Маркомъ о Епифаніи изъ статьи Галландія, дали себѣ трудъ лично посмотреть и прочитать „Посланіе къ Николаю“, то ни Галландій, ни Филаретъ не высказали бы тѣхъ мыслей, какія они высказали. Дѣло въ томъ, что въ „Посланіи къ Николаю“ рѣшительно ничего не говорится о томъ, былъ ли Маркъ знакомъ съ Епифаніемъ, или нѣтъ,—видались ли они когда-нибудь другъ съ другомъ, или нѣтъ. Въ „Посланіи къ Николаю“ Маркъ воспоминаетъ лишь слова Николая о бывшемъ съ послѣднимъ чудѣ и о встрѣчѣ этого Николая въ Анкирѣ съ „благочестивѣйшимъ сыномъ Епифаніемъ“. Вотъ слова Марка: „Непрестанно воспоминай ту великую и дивную благодать, которую Богъ подалъ тебѣ, *какъ ты намъ говорилъ*, во время плаванія твоего вмѣстѣ съ матерію отъ св. мѣстъ въ Константинополь, когда ночью воздвиглась страшная и неудержимая буря и волненіе, и всѣ бывшіе въ кораблѣ вмѣстѣ съ корабельниками и съ самою матерью твоею погибли во глубинѣ, и только одинъ ты съ двумя другими спа-

Подтверженіемъ высказываемаго нами мнѣнія о принадлежности нравственно-аскетическихъ сочиненій Марку Палладіеву служитъ и то обстоятельство, что въ словахъ этихъ, особенно же въ „Преніи съ схоластикомъ“, авторъ этихъ словъ довольно часто называется тѣмъ самымъ именемъ, какое усвоено Марку нитрійскому въ Лавзаикѣ. Въ XIX главѣ этой книги Палладій передаетъ слѣдующія слова Макарія александрійскаго: „я никогда самъ не подавалъ приношенія Марку подвижнику (*μάροχω ἀβχρητῆ*)“. Это названіе аскета или подвижника (*ἀβχρητῆς*) многократно усвоивается и писателю нравственно-подвижническихъ словъ въ „Преніи съ схоластикомъ“ (гл. I, IV, VII, IX—XV, XXI).

Наконецъ, въ нравственно-аскетическихъ словахъ Марка подвижника можно находить указанія, хотя, впрочемъ, не прямыя и не вполне ясныя, на египетское происхожденіе этихъ словъ. Такъ, въ „Посланіи къ Николаю“ Маркъ, между прочимъ, говоритъ о себѣ:

слысь преславною Божественною силою, будучи выкинуты на берегъ, и какъ (Господь) устроилъ путь твой въ Анкиру, гдѣ съ отескимъ благоутробіемъ былъ принять нѣкоторымъ милосивымъ мужемъ, и соединился любовію съ благоговѣйшійшимъ сыномъ Енифаніемъ, и какъ оба вы, бывъ наставлены преподобнымъ мужемъ, обратились на путь спасенія, и были приняты отъ св. рабовъ Божіихъ, какъ искреннія чада“.... —Кстати замѣтимъ, что упоминаніе въ этомъ „Посланіи“ о городѣ Константинополѣ (*ἡ Κωνσταντινίου πόλις*) нисколько не противорѣчитъ нашему положенію о томъ, что нравственно-подвижническія слова Марка написаны въ 1-й половинѣ IV вѣка. Константинополь сдѣлался столицей въ 328 г. и получилъ названіе „города Константина“ (*ἡ Κωνσταντινίου πόλις*) около 330 года. Вскорѣ послѣ этого могло совершиться и путешествіе Николая къ святымъ мѣстамъ. Прибытіе въ Анкиру, встрѣча съ „милосивымъ мужемъ“ и съ Енифаніемъ— все это могло произойти въ одинъ годъ, а потому и вступить въ ряды учениковъ Марка, т. е. удалиться въ Египетъ, Николай могъ уже около 332 года. Маркъ же скончался, какъ мы видѣли, около 336 года, такъ что „Посланіе его къ Николаю“ можетъ считаться однимъ изъ послѣднихъ, по времени, его сочиненій.

„Мы на время удалены отъ тебя лицомъ, а не сердцемъ, ушедши въ пустыню къ истиннымъ дѣлателямъ и подвижникамъ Христовымъ, чтобы и намъ, *хотя мало нѣсколько* подвизаясь и сподвизаясь съ братією, подвижающеюся противъ сопротивныхъ дѣйствій и доблестно сопротивляющеюся страстямъ, отложить лѣность, отрясти уныніе, отвергнуть нерадѣніе и воспринять всякое стараніе и прилежаніе въ угожденіи Богу“ ¹⁾. Конечно въ этихъ словахъ можно видѣть и удаленіе писателя изъ городского монастыря въ пустыню, но можно видѣть въ этомъ удаленіи на время также и обычай, господствовавшій исключительно среди подвижниковъ египетскихъ. Дѣло въ томъ, что нитрійская пустыня въ Египтѣ была весьма обширная и дѣлилась въ то время на три части. Западная часть ея, лежавшая на югъ отъ озера Мареонитскаго, носила названіе „нитрійской горы“. Въ этой горѣ во время Палладія жило до 5000 мужей ²⁾. Къ юго-востоку отъ этой горы, на разстояніи отъ послѣдней въ 70-ти стадіяхъ ³⁾, т. е. приблизительно въ 12-ти верстахъ, начиналась другая обширная часть нитрійской пустыни, носившая названіе пустыни келлій. Въ этой пустыни при Палладіи подвизалось до 600 монаховъ. Сюда обыкновенно удалялись любители уединенія изъ горы нитрійской послѣ того, какъ они утвердятся въ иноческомъ житіи. Наконецъ, еще восточнѣе, въ разстояніи цѣлыхъ сутокъ пути отъ пустыни келлійской, лежала пустыня скитская. Это была совершенно дикая, песчаная пустыня. Сюда не было даже проложенной дороги; тѣмъ не менѣе и здѣсь было не мало подвижниковъ. Всѣ эти три пустыни, т. е. нитрійская гора, пустыня келлій и скитская, составляли собственно три части одной обширной нитрійской пустыни и были объединены между собой тѣмъ, что имѣли общихъ пресвитеровъ. Между старцами этой обширной нитрійской пустыни суще-

¹⁾ Гл. I; русск. пер., стр. 267—268. ²⁾ Лавз. гл. VII.

³⁾ *Созоменъ*, кн. VI, гл. 31; русск. пер., стр. 451.

ствовавъ обычай переходить изъ одной ея части въ другую; побужденіемъ къ этому переходженію служило желаніе пустынниковъ съ большею энергіей служить Богу, при перемѣнѣ условій своего быта. Поэтому многіе подвижники имѣли свои кельи въ разныхъ частяхъ пустыни. Такъ, на примѣръ, о Макаріи александрійскомъ Палладій говоритъ, что „сей святой имѣлъ разныя кельи въ пустынѣ, въ которыхъ совершалъ подвиги добродѣтели: одну въ Скитѣ, въ самой глубокой пустынѣ; одну въ Ливіи, въ такъ называемыхъ Келліяхъ, и одну въ горѣ нитрійской. Нѣкоторыя изъ нихъ были безъ оконъ,—въ нихъ, говорятъ, Макарій проводилъ чetyредесятницу въ темнотѣ; одна келья была такъ тѣсна, что въ ней нельзя было и ногъ протянуть; и еще келья была просторнѣе другихъ,—въ ней онъ принималъ посѣтителей“¹⁾). Весьма возможно, что и Маркъ подвижникъ, сначала проводившій жизнь въ нитрійской горѣ, гдѣ имѣлъ многихъ учениковъ, въ томъ числѣ и Николая, — въ одно время удалился въ глубь пустыни — въ Келліи, а, можетъ быть, даже и въ Скитъ, надѣясь со временемъ снова возвратиться къ своимъ ученикамъ. Вотъ отсюда-то онъ и могъ послать любимому ученику своему Николаю посланіе для его назиданія.

Итакъ, мы всецѣло склоняемся къ той мысли, что нравственно-подвижническія слова, извѣстныя съ именемъ Марка подвижника, или пустытника, принадлежатъ перу нитрійскаго подвижника Марка, краткія свѣдѣнія о которомъ даны епископомъ Палладіемъ въ его Лавзаикѣ. Что же касается двухъ догматико-полемическихъ сочиненій—„противъ несторіанъ“ и „противъ мелхиседекіанъ“, то эти сочиненія, по нашему мнѣнію, обязаны своимъ происхожденіемъ сравнительно болѣе позднему времени и вышли изъ-подъ пера иного, болѣе поздняго, церковнаго писателя.

---

¹⁾ Гл. XIX.

Свѣдѣнія о Маркѣ, ученикѣ аввы Сильвана. Пресвященный Сергій въ мѣсяцесловѣ Востока признаетъ, что было два церковныхъ писателя съ именемъ Марка—именно Маркъ Палладіевъ и Маркъ, ученикъ Сильвана.

Свѣдѣнія о Маркѣ, ученикѣ Сильвана,—у Руфина и Пелагія. На основаніи ихъ Тильмонъ составилъ довольно обстоятельное его жизнеописаніе ¹⁾. Пользуясь этимъ сочиненіемъ Тильмона, передадимъ въ краткомъ видѣ всѣ тѣ біографическія свѣдѣнія о Маркѣ, ученикѣ Сильвана, какія сохранила намъ древность.

Въ половинѣ IV вѣка въ Скитской египетской пустыни подвизался преподобный авва Сильванъ, о которомъ православная церковь воспоминаетъ въ сырную субботу. Въ числѣ 12 учениковъ этого аввы наиболѣе любимымъ со стороны послѣдняго былъ кроткій, послушливый и трудолюбивый монахъ Маркъ. Живя въ уединенной кельи, этотъ Маркъ всегда имѣлъ при себѣ книги; такъ что авва Сильванъ, входя къ нему въ келью, почти всегда заставалъ его за книгами, которыя тотъ писалъ.—Въ одно время мать Марка, женщина богатая, захотѣла повидаться съ нимъ и съ этой цѣлью прибыла съ значительной свитой въ скитскую пустыню, гдѣ испросила у аввы Сильвана разрѣшеніе на свиданіе съ своимъ сыномъ. Но когда Маркъ вышелъ къ ней, то ни она, ни ея спутники не узнали его, хотя онъ сказалъ имъ обычное въ то время привѣтствіе. Не узнавши своего сына, мать Марка обратилась вторично къ Сильвану съ просьбой о томъ, чтобы тотъ послалъ къ ней ея сына. Авва, явившись къ Марку, спросилъ послѣдняго, почему тотъ не исполнилъ его повелѣнія. Маркъ отвѣтилъ: „я былъ тамъ, авва, какъ ты повелѣлъ мнѣ; но прошу тебя—не заставляй меня идти вторично туда, такъ какъ я не хочу не повиноваться тебѣ“. Выйдя отъ Марка, авва, увѣривши его мать въ томъ, что сынъ ея уже выходилъ къ ней, просилъ ее болѣе не повторять своей просьбы.—

¹⁾ *Tillemont. Memoires, t. X, pag. 449—450.*

Въ годъ смерти Юліана отступника, авва Сильванъ рѣшилъ покинуть скитскую пустынь и удалиться на Синай. Маркъ, увидя своего учителя и руководителя отправляющимся въ Синай, сказалъ ему: „отецъ мой, я не желалъ бы покидать этого мѣста, но въ то же время я не могу и оставаться безъ тебя; поэтому я прошу тебя остаться здѣсь еще на три дня“. Сильванъ уступилъ просьбѣ Марка, а послѣдній на третій день скончался.

Изъ этихъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о Маркѣ, ученикѣ Сильвана, явствуетъ, что онъ не могъ быть писателемъ нравственно-аскетическихъ твореній, извѣстныхъ съ именемъ Марка отшельника и приписываемыхъ нами Марку Палладіеву. Маркъ Сильвановъ не былъ аввой и игуменомъ, онъ былъ только ученикъ и послушникъ; между тѣмъ, въ нравственно-подвижническихъ словахъ, — напр. въ „Преніи съ схоластикомъ“, — Маркъ писатель прямо называется игуменомъ и старцемъ. Не могъ этотъ, т. е. Сильвановъ, Маркъ быть авторомъ и „Слова противъ несторіанъ“, такъ какъ данное слово явилось въ свѣтъ не ранѣе 428 года; между тѣмъ, Маркъ, ученикъ Сильвана, скончался въ годъ смерти Юліана отступника, т. е. въ 363 году по Р. Х., за 65 лѣтъ до возникновенія ереси Несторія.

Что касается упоминанія біографовъ этого Марка о писаніи имъ книгъ, то таковыя замѣчанія его жизнеописателей лучше всего понимать въ томъ смыслѣ, что Маркъ, ученикъ Сильвана, былъ простой переписчикъ книгъ, а не въ собственномъ смыслѣ церковный писатель.

Разборъ мнѣнія о Маркѣ отшельникѣ палестинскомъ, какъ писателѣ. Въ послѣднее время, именно въ 1894 году, появилось въ свѣтъ изслѣдованіе о Маркѣ писателѣ приватъ-доцента Лейпцигскаго университета, Иоганна Кунца. Авторъ этого сочиненія, носящаго заглавіе: *Marcus Eremita ein neuer Zeuge für das altkirchliche Taufbekentnis*“, новооткрытое „Слово противъ несторіанъ“, а равно и всѣ остальные сочиненія,

извѣстные съ именемъ Марка пустытника, приписываетъ Марку отшельнику, подвизавшемуся нѣкогда въ Палестинѣ, близъ монастыря Пентуклы. — Насколько справедливо и состоятельно это предположеніе Кунца, покажетъ намъ разборъ тѣхъ основаній, опираясь на которыя этотъ западный ученый рѣшился высказать свое мнѣніе.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разбору возрѣнія Кунца, мы изложимъ тѣ положительныя свѣдѣнія о Маркѣ палестинскомъ, которыя извѣстны ученому міру по первоисточникамъ. Свѣдѣній этихъ слишкомъ мало и сообщаются они только у одного древняго писателя, именно у Іоанна Мосха въ его „Дугъ духовномъ“. Въ XIII главѣ этой книги Іоаннъ Мосхъ пишетъ: „Объ аввѣ Маркѣ отшельникѣ, жившемъ близъ монастыря Пентуклы, рассказывали, что 69 лѣтъ провелъ онъ слѣдующимъ образомъ: постился по цѣлымъ седмицамъ, такъ что нѣкоторые считали его безплотнымъ; между тѣмъ день и ночь проводилъ въ трудахъ для того, чтобы подавать милостыню ради Христа, и подавалъ ее бѣднымъ, а самъ ни отъ кого ничего не принималъ. Узнавъ объ немъ, нѣкоторые христіюбивые люди пришли было къ нему съ подаваніемъ; но старецъ сказалъ имъ: я не беру, потому что, по милости Божіей, мнѣ достаточно моего руководѣля, чтобы содержать и себя и приходящихъ ко мнѣ“. Вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя сообщила намъ древность о палестинскомъ отшельникѣ, носившемъ имя аввы Марка.

На чемъ же основывается Кунцъ, усвоивая этому аввѣ сочиненія, дошедшія до нашего времени съ именемъ Марка Пустытника? Прежде всего, Кунцъ указываетъ на то обстоятельство, что Іоаннъ Мосхъ называлъ палестинскаго Марка „аввою Маркомъ анахоретомъ“, — т. е. такимъ именемъ, какимъ нашъ авторъ (будто-бы) обыкновенно называется въ рукописи ¹⁾. Но эти слова Кунца не совсѣмъ справедливы. Правда,

¹⁾ *Kunze*, pag. 40.

Иоаннъ Мосхъ назвалъ палестинскаго Марка „аввою Маркомъ отшельникомъ“ (*ὁ ἀββᾶς Μάρκος ὁ ἀναχωρητής*), но въ савваитскомъ кодексѣ писателю усвоено названіе не *ἀναχωρητής*, а *ἐρημίτης*, что значитъ собственно „пустынникъ“, а не „отшельникъ“. Въ нравственно-подвижническихъ же словахъ, особенно въ „Преніи съ схоластикомъ“, авторъ этихъ словъ,—какъ мы уже видѣли,—напротивъ, довольно часто называется тѣмъ самымъ именемъ, какое усвоено Марку нитрійскому въ Лавзаикѣ. Названіе же анахорета ни въ текстѣ самыхъ словъ Марка, ни у другихъ древнихъ писателей въ примѣненіи къ Марку-писателю не встрѣчается: оно усвоено ему лишь позднѣйшими учеными.

Вторымъ доказательствомъ принадлежности всѣхъ сочиненій Марка палестинскому отшельнику служить у Кунца то обстоятельство, что наиболѣе полное собраніе словъ съ именемъ Марка заключается именно въ новооткрытомъ кодексѣ саввинской библіотеки. Обитель же св. Саввы, по словамъ Кунца, находилась въ одной области съ монастыремъ Пентуклы и потому между этими двумя обителями, безъ сомнѣнія, существовали близкія отношенія ¹⁾. Но это доказательство слишкомъ странное. Если бы Кунцъ обратилъ вниманіе на то, что въ томъ же самомъ савваитскомъ кодексѣ (№ 366). въ которомъ заключаются слова Марка пустынника, находится еще и рѣчь императора Алексѣя Комнина противъ Армянъ, сдѣлавшаяся извѣстною ученому міру только по этой савваитской рукописи, то д-г Кунцъ не поспѣшилъ бы съ своимъ выводомъ. Вѣдь, едва-ли кто станетъ утверждать, что императоръ Алексѣй Комнинъ жилъ не въ Византіи, а въ Палестинѣ,—на томъ только основаніи, что новооткрытая рѣчь этого императора извѣстна исключительно лишь по рукописи саввинской обители. Не надо, далѣе, забывать и того, что новооткрытая рукопись своимъ происхожденіемъ обязана XIII вѣку, т. е. она явилась на

¹⁾ *Kunze*, pag. 41—48.

свѣтъ по истеченіи уже болѣе 800 лѣтъ послѣ возникновенія несторіанской ереси. А въ теченіе столь долгаго періода времени имена многихъ писателей могли забыться и сочиненія однихъ писателей могли быть приписаны другимъ авторамъ (для примѣра укажемъ на то, что нѣкоторыя изъ богослужебныхъ пѣсней въ однихъ рукописяхъ приписываются Анатолію, въ другихъ—Іоанну Дамаскину, въ третьихъ—Θеодору Студиту, а въ четвертыхъ—Іосифу Пѣснописцу). Кромѣ того, въ теченіе 800 лѣтъ сочиненія, какъ египетскихъ, такъ и другихъ писателей, могли распространиться по всему христіанскому міру.

Въ третьихъ, Кунцъ для подтвержденія своего положенія ссылается на то, что его мнѣніе о писателѣ словъ, извѣстныхъ съ именемъ Марка, не страдаетъ и въ хронологическомъ отношеніи. Несторіанская ересь возникла въ 428 году; повѣствованія же Іоанна Мосха, по словамъ Кунца, касаются событій не только современныхъ этому монаху, но и такихъ, которыя восходятъ ко времени халкидонскаго собора ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что у Іоанна Мосха нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для опредѣленія времени жизни Марка отшельника палестинскаго. Іоаннъ Мосхъ, бывшій въ Палестинѣ съ 594 года по 602-й, ничего не говоритъ о томъ, когда скончался этотъ отшельникъ; не говоритъ онъ также и о томъ, сколько лѣтъ прожилъ на свѣтѣ этотъ Маркъ. Изъ разказа Мосха видно, однако, что самъ Мосхъ уже не засталъ въ живыхъ авву Марка, а только слышалъ о немъ изъ разказовъ другихъ лицъ. Но, вѣдь, Маркъ могъ умереть и за годъ только до прибытія Мосха въ Палестину. Предположимъ, напр., что онъ умеръ приблизительно за 4 года до прибытія Іоанна Мосха, т. е. около 590 года. Предположимъ также, что Маркъ прожилъ даже около 100 лѣтъ. Въ такомъ случаѣ выйдетъ, что Маркъ этотъ родился уже спустя 60 лѣтъ послѣ того, какъ усилились несторіан-

¹⁾ *Kunze*, pag. 41.

скіе споры и появилось въ свѣтъ „Слово противъ несторіанъ“ (590—100=490; 490—430=60). Очевидно, что Кунцъ прежде, чѣмъ сказать, что его предположеніе не противорѣчитъ хронологіи, долженъ былъ болѣе или менѣе точно и основательно опредѣлить время жизни палестинскаго Марка. А такъ какъ это сдѣлать не возможно, то и все доказательство Кунца не имѣетъ рѣшительно никакой силы.

Указанныя три основанія приводятся Кунцемъ въ доказательство той мысли, что всѣ слова, извѣстныя съ именемъ Марка пустынноика, какъ аскетическія, такъ и догматическія, принадлежатъ одному писателю, именно Марку отшельнику, жившему около монастыря Пентуклы, находившагося близъ города Іерихона¹⁾. Однако эти основанія Кунца оказались слишкомъ шаткими; такъ что высказанное нами мнѣніе о принадлежности вышеупомянутыхъ словъ двумъ авторамъ нисколько отъ доводовъ Кунца въ своей устойчивости не страдаетъ.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ частныхъ доводовъ, которые приводятся Кунцемъ въ доказательство принадлежности Марку палестинскому „Слова противъ несторіанъ“.

По мысли Кунца, новооткрытое „Слово“ не могло появиться въ Египтѣ, такъ какъ „тамъ Несторій въ существѣ дѣла,—какъ говоритъ Кунцъ,—не имѣлъ приверженцевъ“²⁾. Но это утверженіе Кунца совершенно не согласно съ историческими фактами. Извѣстно, что Несторій озаботился собраніемъ своихъ еретическихъ

¹⁾ О положеніи монастыря Пентуклы Кунцъ замѣчаетъ только, что монастырь этотъ находился въ „іудейской пустыни“. Но въ „Лугѣ духовномъ“ дается болѣе точное опредѣленіе мѣстоположенія монастыря Пентуклы. Въ XIV гл. Іоаннъ Мосхъ передаетъ рассказъ объ одномъ пентуклійскомъ монахѣ, который, „будучи боримъ блудною страстью, отправился, для удовлетворенія своей плоти, въ Іерихонъ“.

²⁾ *Kunze*, pag. 106.

проповѣдей въ одинъ сборникъ и сталъ распростра-
нять его всюду. Проповѣди эти проникали не только
во все большіе города, но даже и въ пустыни. Книги
Несторія, появившіяся въ пустынѣ египетской, произ-
вели сильное волненіе умовъ среди пустынниковъ, изъ
которыхъ нѣкоторые, въ увлеченіи ересью Несторія,
стали называть Христа не Богочеловѣкомъ, а только
„Богоносцемъ“. Даже Кириллъ александрійскій взгля-
нулъ на это волненіе среди египетскихъ монаховъ, какъ
на явленіе довольно серьезное, и потому счелъ необ-
ходимымъ написать къ нимъ посланіе, въ которомъ,
изложивъ истинное ученіе о лицѣ І. Христа, просилъ
монаховъ воздерживаться отъ сужденія о непосильныхъ
и трудныхъ для нихъ предметахъ ¹⁾. Если уже вол-
ненія и увлеченія ересью были въ пустыняхъ, тѣмъ
болѣе могли они происходить въ Александріи и дру-
гихъ большихъ городахъ того времени.

Отвергая египетское происхожденіе „Слова про-
тивъ несторіанъ“ Кунцъ мѣстомъ происхожденія этого
„Слова“ полагаетъ и не Палестину, гдѣ Маркъ пенту-
клійскій провелъ въ постѣ и трудахъ 69 лѣтъ, а га-
латійскую Анкиру, гдѣ будто-бы этотъ Маркъ былъ
до своего отшельничества игуменомъ монастыря. Но о
пребываніи „аввы Марка отшельника“ когда-либо въ
Анкирѣ Іоаннъ Мосхъ рѣшительно ничего не говоритъ:
это одна лишь выдумка Кунца, основанная на упоми-
наніи въ „Посланіи къ Николаю“ города Анкиры. Но,
вѣдь, относительно Анкиры, какъ мы видѣли, въ „По-
сланіи къ Николаю“ замѣчено только то, что сюда
нѣкогда прибылъ Николай и, руководимый какимъ-то
„милостивымъ мужемъ“, вступилъ на путь богоугоднаго
житія; а была-ли эта Анкира нѣкогда мѣстомъ житель-
ства Марка, въ „Посланіи“ ровно ничего не говорится.

Въ доказательство анкирскаго происхожденія „Сло-
ва противъ несторіанъ“ Кунцъ приводитъ еще два со-

¹⁾ *Арсеній арх.* Лѣтопись церк. событий. Спб. 1880 г.,
стр. 172.

ображенія. Во-первыхъ, онъ указываетъ на то обстоятельство, что у епископа анкирскаго Θεодота, современника Несторія, въ проповѣдяхъ встрѣчаются тѣ же самыя слова, какія находятся и въ „Словѣ противъ несторіанъ“. Слова эти слѣдующія: *φύσει, ὁ Θεὸς λόγος, ἄρξ, ἐνοῦν, ἐνωσις* и т. д. ¹⁾). Это употребленіе авторомъ „Слова противъ несторіанъ“ и епископомъ Θεодотомъ однихъ и тѣхъ же словъ указываетъ, по мнѣнію Кунца, на то, что какъ Маркъ, такъ и Θεодотъ проходили свое служеніе въ одномъ и томъ же городѣ, именно въ Анкирѣ. Но, вѣдь, перечисленные Кунцемъ слова, одинаково встрѣчающіяся у Марка и Θεодота, можно найти въ догматическихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ положительно всѣхъ церковныхъ писателей и святыхъ отцовъ всѣхъ вѣковъ.— Второе соображеніе, приводимое Кунцемъ въ доказательство истинности мнѣнія объ анкирскомъ происхожденіи „Слова противъ несторіанъ“, состоитъ въ слѣдующемъ. Противники, обличаемые авторомъ „Слова“, оказываются людьми съ сильно развитою любознательностью, что явствуетъ изъ постоянно предлагаемыхъ ими вопросовъ: какъ, почему? Въ этой любознательности противниковъ Марка Кунцъ видитъ вліяніе антиохійской школы. А такъ какъ съ подобною любознательностью своихъ слушателей и пасомыхъ боролся и епископъ анкирскій Θεодотъ, то для западнаго ученаго не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что новооткрытое „Слово“ было написано въ Анкирѣ ²⁾). Но любознательность присуща каждому человѣку, какъ разумному существу, и вопросы: „какъ, почему“? могутъ возникнуть и возникаютъ не у однихъ только жителей Анкиры, но и у жителей Египта, Константинополя, равно какъ и у народовъ Россіи, Австро-Венгріи и т. д. И видѣтъ въ этой любознательности вліяніе „антиохійской школы“,

¹⁾ *Kunze*, pag. 136.

²⁾ *Kunze*, pag. 105.

это значить отрицать человѣческое достоинство всѣхъ тѣхъ людей, которые почему-либо не имѣли отношенія къ этой антиохійской школѣ.

Приведенныя Кунцемъ доказательства анкирскаго происхожденія новооткрытаго сочиненія и написанія его Маркомъ палестинскимъ оказываются настолько слабыми, что все мнѣнiе Кунца по вопросу о мѣстѣ происхожденія и авторѣ „Слова противъ несторiанъ“ является скорѣе висящимъ на воздухѣ, чѣмъ зиждущимся на достаточно твердой почвѣ. Поэтому, вопросъ объ истинномъ авторѣ новооткрытаго „Слова“ мы вправѣ считать нимало нерѣшеннымъ со стороны д-ра Кунца.

Догадки объ истинномъ авторѣ „Слова противъ несторiанъ“. Итакъ, кто же былъ авторъ „Слова противъ несторiанъ“? — Добросовѣстный изслѣдователь на этотъ вопросъ можетъ дать въ настоящее время только тотъ отвѣтъ, что личность этого писателя намъ неизвѣстна, неизвѣстно и его мѣстожителство, его жизнь и дѣятельность. — Впрочемъ, на основанiи внутреннихъ данныхъ самого текста новооткрытаго „Слова, можно составить нѣкоторыя, хотя и неполныя и не вполне опредѣленныя, представленiя о писателѣ этого „Слова“.

Въ написанiи „Слова противъ несторiанъ“ сказано, что авторъ его былъ „Маркъ пустынный“¹⁾. Нѣтъ нужды, да и нѣтъ основанiй отвергать то, что писатель этого „Слова“ носилъ, дѣйствительно, имя Марка, такъ какъ это имя у древнихъ грековъ было весьма распространеннымъ. По всей вѣроятности, потому позднѣйшiе переписчики и редакторы кодексовъ (въ томъ числѣ и савваитскаго) и помѣстили „Слово противъ несторiанъ“ на ряду съ нравственно-аскетическими сочиненiями Марка нитрiйскаго, что авторъ новооткрытаго „Слова“ носилъ то же самое имя. — Нѣтъ ни-

¹⁾ Впрочемъ, въ савваитскомъ кодексѣ заглавiе „Слова“ начинается такъ: „*τοῦ αὐτοῦ Μάρκου πρὸς τοὺς λευίτας*“ и т. д., но въ предшествующихъ словахъ авторъ прямо названъ Маркомъ Пустынникомъ (*ἐρημίτης*).

какихъ основаній къ отрицанію и того положенія, что авторъ „Слова противъ несторіанъ“ жилъ въ пустынѣ и вслѣдствіе того получилъ наименованіе „Пустынника“, или „Отшельника“. Но изъ самого сочиненія не видно, чтобы авторъ, во время написанія этого „Слова“, проводилъ жизнь въ пустынѣ. Напротивъ, изъ текста новооткрытаго сочиненія видно, что писатель его былъ монахомъ въ одномъ изъ не малолюдныхъ городовъ. Мы уже говорили вначалѣ, что авторъ „Слова противъ несторіанъ“ жилъ среди еретиковъ. Съ этими еретиками авторъ былъ близко и лично знакомъ; ихъ около писателя было весьма много, и авторъ „Слова“ еще прежде, чѣмъ выступить противъ нихъ съ своимъ литературнымъ трудомъ, велъ съ ними устные бесѣды. „Среди еретиковъ.—говоритъ онъ въ VI главѣ, — есть нѣкоторые (такіе), которые, *вслѣдствіе* (нашихъ) *доказательствъ*, признаютъ истину въ сознаніи, однако не исповѣдуютъ (ее), и не воздерживаются отъ споровъ“. Еретики эти, съ которыми имѣлъ дѣло Маркъ, не были пустынноиками-монахами; это были міряне, горожане. Правда, о томъ, что противники Марка были горожане, онъ прямо нигдѣ не говоритъ; однако это можно смѣло выводить изъ того факта, что Маркъ обличаетъ еретиковъ, съ одной стороны, „въ стремленіи къ почестамъ и наслажденію“ (гл. I), а съ другой—въ томъ, „что дома свои они содержатъ небрежно“ (гл. VI).

Въ своемъ городѣ, въ глазахъ людей православныхъ Маркъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, пользовался не малымъ значеніемъ и авторитетомъ. Свое „Слово противъ несторіанъ“ Маркъ написалъ лишь вслѣдствіе неоднократной просьбы близкихъ къ нему лицъ. Въ началѣ своего сочиненія авторъ прямо заявляетъ, что онъ былъ даже вынужденъ написать это сочиненіе, по причинѣ таковыхъ просьбъ. „Вслѣдствіе того,—такъ начинается Маркъ свое слово—что вы часто спрашивали у насъ отвѣты къ противникамъ относительно вѣры, равно какъ и ихъ возраженія, рас-

прашивая вмѣстѣ съ тѣмъ и о сомнѣніяхъ людей колеблющихся, — мы вынуждены дать вамъ посильный отвѣтъ, указавъ сначала причину сомнѣнія многихъ“.

Однако, не смотря на свое значеніе среди своихъ согражданъ, Маркъ не былъ человѣкомъ научно образованнымъ. Отсутствіе школьнаго, систематическаго образованія ясно сказалось въ литературныхъ приѣмахъ Марка пустынноика. Неоднократныя повторенія, употребленіе одного и того же способа опроверженія еретиковъ, отсутствіе строго выработаннаго плана въ сочиненіи—все это говоритъ о томъ, что въ литературномъ дѣлѣ нашъ писатель былъ мало опытенъ. Еще болѣе подтверждается это тѣмъ обстоятельствомъ, что Маркъ, начавъ писать свое „Слово“ для православныхъ христіанъ, въ большинствѣ главъ сочиненія совсѣмъ забываетъ, что онъ пишетъ для православныхъ, и обращается къ своимъ читателямъ, какъ къ обличаемымъ имъ противникамъ.

Это обращеніе къ еретикамъ во второмъ лицѣ говоритъ еще и о самомъ характерѣ, темпераментѣ писателя и его отношеніи къ еретикамъ. Ересь Несторія и увлеченіе ею многихъ изъ христіанъ до глубины души возмущаетъ Марка. Мы уже видѣли какими эпитетами награждаетъ Маркъ своихъ противниковъ. Человѣкъ ровнаго характера и спокойнаго темперамента такъ относиться къ еретикамъ не станетъ. Тонъ сочиненія Марка ясно говоритъ о писателѣ, какъ о человѣкѣ ревностномъ, горячемъ, энергичномъ. Въ этомъ отношеніи, своею ревностью въ дѣлѣ защиты православія Маркъ напоминаетъ ревность великаго проповѣдника—св. Златоуста.

Сходство въ этомъ отношеніи автора „Слова“ съ Іоанномъ Златоустомъ невольно наводитъ на мысль: не объ этомъ-ли самомъ Маркъ говоритъ и Никифоръ Каллистъ, замѣчая, что онъ былъ ученикомъ Златоуста)? Правда, въ трудѣ Никифора Каллиста мало

¹⁾ *Nicéphorus. Eccles. historia, lib. XIV, cap. 30 (Migne, t. CXLVI, 1157).*

достоверныхъ извѣстій; однако, не смотря на всю запутанность и смѣшеніе его историческихъ свѣдѣній нельзя безусловно отрицать его показанія, что нѣкій Маркъ былъ ученикомъ, или, лучше сказать, слушателемъ Златоуста. Безъ сомнѣнія, свѣдѣніе это Никифоръ Каллистъ заимствовалъ изъ болѣе древняго источника, — и именно изъ „Хроники“ Георгія Амартола ¹⁾). Какъ у Никифора, такъ и у Георгія имя Марка, какъ ученика Златоуста стоитъ наряду съ именами Нила и Исидора Пелусіота; а эти предположенные отцы, какъ показываютъ позднѣйшія изслѣдованія, могли быть и, дѣйствительно, были слушателями Златоуста. Поэтому отрицать сообщаемое Георгіемъ Амартоломъ и Никифоромъ Каллистомъ свѣдѣніе объ отношеніи Марка къ Златоусту, какъ къ своему наставнику и учителю, нѣтъ никакихъ оснований. Слушать же Маркъ могъ Златоуста или въ Антиохіи въ 386 — 397-мъ годахъ или въ Константиноплѣ въ 397—404-мъ годахъ. Если мы предположимъ, что Маркъ былъ слушателемъ Златоуста въ молодыхъ годахъ и что во время разлученія съ своимъ учителемъ — св. Златоустомъ ему было не болѣе 25 лѣтъ, то окажется, что во время несторіанскихъ споровъ онъ имѣлъ 45—55 лѣтъ. А если такъ, то время рожденія его слѣдуетъ отнести къ 70-мъ или 80-мъ годамъ IV вѣка. — Но это, конечно, только болѣе или менѣе вѣроятная и правдоподобная догадка ²⁾).

¹⁾ *Migne*, t. CX, 734.

²⁾ Однако эта догадка наша гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ предположенія Кунца. По мысли послѣдняго, писатель „Слова противъ несторіанъ“, т. е. Маркъ пентуклійскій былъ сначала въ Анкирѣ игуменомъ, а еще ранѣе былъ слушателемъ Златоуста въ Антиохіи. Проповѣдь же Златоуста въ Антиохіи окончилась въ 397 году. Положимъ, что въ это время Марку было около 25 лѣтъ; послѣ этого онъ былъ монахомъ и игуменомъ въ Анкирѣ, гдѣ жилъ и во время несторіанскихъ споровъ и гдѣ около 430 года, т. е. спустя 43 года послѣ разлученія съ своимъ учителемъ, написалъ „Слово противъ несторіанъ“. Положимъ, что вскорѣ же послѣ

Не будучи человѣкомъ научно образованнымъ, Маркъ, писатель „Слова противъ несторіанъ“, былъ, однако, человѣкъ довольно талантливый и начитанный. Изъ его сочиненія видно, что онъ былъ хорошо знакомъ съ Свящ. Писаніемъ, хотя понималъ и толковалъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ своеобразно (см. напр., гл. VIII, XXII и др.). Нельзя не увидѣть изъ новооткрытаго „Слова“ также и того, что Маркъ пустынный былъ знакомъ и съ догматическою литературою своего времени. Отзывчивость его на запросы современниковъ свидѣтельствуетъ, что онъ, не смотря на свою монашескую жизнь, былъ скорѣе общественнымъ дѣятелемъ, чѣмъ самоуглубленнымъ, чуждымъ для міра аскетомъ.

Вотъ и все, что можно сказать о Маркѣ пустынникѣ на основаніи внутреннихъ данныхъ его „Слова противъ несторіанъ“. Все остальное,—до тѣхъ, конечно, поръ, пока ученые изслѣдователи древнихъ книгохранилищъ не откроютъ какого-либо древняго документа о жизни этого писателя,—будетъ только совершенно произвольною, рѣшительно ни на чемъ не основанною догадкой.

Содержаніе „Слова противъ несторіанъ“.

Новооткрытое сочиненіе Марка пустытника въ савваитскомъ кодексѣ озаглавлено слѣдующимъ образомъ: „Марка пустытника противъ говорящихъ, что

написанія этого „Слова“ Маркъ удалился въ іудейскую пустыню, гдѣ провелъ еще 69 лѣтъ. Такимъ образомъ, кончина Марка должна послѣдовать на 137 году отъ рожденія ($25 + 43 + 69 = 137$). Положимъ даже, что въ годъ отъѣзда Златоуста изъ Антиохіи Марку было только 20 лѣтъ, то и тогда смерть послѣдняго должна была послѣдовать на 132 году. Однако, примѣра такой исключительной долговѣчности среди древнихъ монаховъ мы не знаемъ. Предоставляемъ, поэтому, судить читателю, насколько былъ правъ Кунцъ, считая Марка палестинскаго и писателемъ „Слова“, и монахомъ анкирскаго монастыря, и слушателемъ Златоуста.

святая плоть Господа не соединилась съ Словомъ, но какъ одежда единочаштно облекала (Его), и что посему Онъ состоитъ, съ одной стороны, изъ носящаго, а съ другой—изъ носимаго; иначе говоря: противъ мудрствующихъ согласно съ Несторіемъ“.

Сочиненіе это въ кодексѣ раздѣлено на 30 главъ, изъ которыхъ двѣ, именно XVI и XVII, были, по всей вѣроятности, утрачены еще въ томъ оригиналѣ, съ котораго списано это „Слово“ въ савваитскій кодексъ. Однако, отсутствіе этихъ главъ ни мало не замѣтно для читателя, такъ какъ все сочиненіе лишено совершенно какого-либо опредѣленнаго, строго выработаннаго плана. Но и изъ тѣхъ главъ, которыя сохранились до нашего времени, по всей вѣроятности, далеко не всѣ обладаютъ первоначальною полнотою. Главы XX и XXX представляютъ наиболѣе рѣзкій примѣръ утраты нѣсколькихъ стиховъ или предложений. Впрочемъ, не смотря на недостающее число главъ и предложений, догматическія воззрѣнія Марка пустыника на лицо Иисуса Христа въ „Словѣ противъ несторіанъ“ довольно ясны и полны.

Основное положеніе Марка пустыника защищаемое въ новооткрытомъ „Словѣ“, касается нераздѣльнаго, вѣчнаго соединенія во Христѣ двухъ естествъ. Общій ходъ мысли писателя, полемизирующаго съ людьми, отрицающими его основное догматическое положеніе, уловить довольно трудно,—что объясняется, конечно, неопытностью Марка въ плавномъ и послѣдовательномъ изложеніи своихъ мыслей.

Указавъ въ началѣ своего сочиненія причину, побудившую его приступить къ написанію даннаго „Слова“, Маркъ сообщаетъ, что въ его время—въ отношеніи къ вопросамъ вѣры существовало три категоріи людей, именно: трудолюбцы, подвижники (*φιλόπονοι*), исповѣдывавшіе распятаго за насъ Учителя Сыномъ Божиимъ; затѣмъ люди, преданные удовольствіямъ (*φιλάδονοι*) или тщеславные (*κενόδοξοι*), которые отрицали и стыдились такого исповѣданія (I гл.), и на-

конецъ, люди колеблющіеся (*ἀμφιρροεπῆς*), которые не знали, на чьей сторонѣ правда, и думали, что истинная вѣра не ясна. Людей второй категоріи Маркъ пустынный смѣло уподобляетъ „врагамъ креста“ — іудеямъ, и утверждаетъ, что съ этими людьми, по заповѣди апостола, люди истинно вѣрующіе должны бороться (II гл.). По словамъ автора, эти еретики, вступающая въ полемику съ православными христианами, обыкновенно спрашивали ихъ: „итакъ, былъ распятъ Господь славы? Опираясь на слова апостола Павла (I Кор. 2, 7—8), Маркъ, вопреки „богораздѣлителямъ“ (*θεομεριβταί*), доказываетъ справедливость православной догматической формулы и истинность православнаго ученія о Христѣ, какъ Богѣ и человѣкѣ вмѣстѣ (III гл.), такъ какъ такимъ именно образомъ исповѣдуетъ Его и все Свящ. Писаніе (IV гл.), въ частности же пророкъ Исаія и Іеремія (собственно Варухъ). Приведя изъ книгъ этихъ пророковъ извѣстные тексты (Ис. 57, 7—8; Вар. 3, 36—38), Маркъ находитъ излишнимъ выписывать слова другихъ пророковъ, такъ какъ и Христосъ въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ искажалъ Его мысли, удалялся отъ этого народа, обречая его на тягчайшее осужденіе (V гл.). Авторъ желаетъ „помочь о Господѣ въ дѣлѣ обращенія еретиковъ“. Съ этой цѣлью онъ указываетъ тотъ приемъ, благодаря которому благоразумные (*φρόνιμοι*) изъ еретиковъ могли бы рано или поздно обратиться на путь истины. Приемъ этотъ долженъ состоять въ опроверженіи не только высказываемыхъ еретиками положеній, но еще и всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые слѣдуютъ изъ ихъ лжеученія (VI гл.). Однако самъ авторъ, какъ мы видѣли въ началѣ, оказался далекъ отъ осуществленія этого приема: онъ опровергаетъ только уже высказанныя еретиками мысли, изъ которыхъ первая состоитъ въ слѣдующемъ. „Если апостоль назвалъ одного и того же и распятымъ и Господомъ славы, то это онъ сказалъ потому, что распятый человѣкъ послѣ воскресенія удостоился славы“. Но это

положеніе еретиковъ, по Марку, несостоятельно, такъ какъ у апостола Іисусъ Христосъ названъ Господомъ славы еще до креста (VII гл.). Слѣдующее положеніе еретиковъ, опровергаемое Маркомъ, состояло въ томъ, что „плоть Господа“ (*Κυριακόν σῶμα*) они считали за „простое тѣло“ (*ψιλῆ σόρξ*). Но это ученіе еретиковъ о плоти Христа Маркъ находитъ несогласнымъ съ словами Спасителя о томъ, что Его плотъ есть „животъ міра“ и „хлѣбъ съ небесе сходяй“. Да ктому же это ученіе еретиковъ о плоти Христа ведетъ къ отрицанію самого догмата искупленія. Если же еретики признаютъ этотъ догматъ, то должны только вѣровать и исполнять заповѣди, а не заниматься пустыми вопросами (VIII гл.). Предаваясь же занятію таковыми вопросами, они только „отрицаютъ и вѣру, и крещеніе“ (IX гл.). Далѣе авторъ, вопреки еретикамъ, устанавливаетъ правильное воззрѣніе на рожденіе Іисуса Христа и, доказывая, что Христосъ единъ (X гл.), укоряетъ еретиковъ въ томъ, что они считаютъ православныхъ христіанъ отступившими отъ истиннаго ученія (XI гл.). Затѣмъ, снова доказавъ, что единый Христосъ есть Богъ и человѣкъ вмѣстѣ (XII гл.) и что Онъ не простой человѣкъ и не смертная плотъ — *σῶμα νεκρόν* — (XIII гл.), писатель отвергаетъ то положеніе еретиковъ, будто апостолы, повелѣвая намъ вѣровать во Христа, „говорили о вѣрѣ не въ распятаго, а въ Бога, обитавшаго въ немъ“ (XIV гл.). Отвѣчая на новый ироническій вопросъ со стороны еретиковъ: „значить, Богъ распинается и умираетъ?“ — писатель обличаетъ своихъ противниковъ словами евангеліа: „Слово плотъ бысть“ и выясняетъ истинное отношеніе во Христѣ божественнаго естества къ естеству человѣческому во время крестныхъ страданій (XV гл.). Касаясь другого вопроса, предлагаемаго противниками: „престрадавшій за насъ Богъ или нѣтъ?“ — Маркъ пустынный даетъ еретикамъ отвѣтъ, въ которомъ снова повторяется истинное ученіе о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ (XVIII гл.). Съ цѣлю убѣдить еретиковъ въ вѣрѣ соединеніи

Слова съ плотію, Маркъ указываетъ на то, что Распятый и Умершій совершилъ избавленіе грѣховнаго, гибнущаго человѣчества отъ діавола (XIX гл.), ибо это избавленіе не можетъ быть дѣломъ простаго смертнаго (*νεκροία*), а есть дѣло всецѣло Божіей силы и мудрости (XX гл.). А какимъ именно образомъ совершилось воплощеніе Слова и наше спасеніе, на это можно отвѣтить только: „непостижимо“ и указать на божественное всемогущество и благоизволеніе (XXI гл.). Однако воплощеніе Слова и вѣчностное соединеніе Его есть дѣйствительный фактъ, и потому объ одной только человѣческой природѣ Христа въ Писаніи нигдѣ не говорится, а, напротивъ, Свящ. Писаніе всегда говоритъ о Богѣ Словѣ съ Его плотію, называя Его единымъ Христомъ и Сыномъ Божіимъ (XXII гл.). Познавшій эту истину изъ Свящ. Писанія, человѣкъ долженъ только вѣровать, т. е. сохранять данное при крещеніи исповѣданіе, а не заниматься рѣшеніемъ пустыхъ, ни къ чему не ведущихъ вопросовъ. Дѣла божественныя сокровеннѣе человѣческихъ; между тѣмъ, еретики не могутъ объяснить и того, что касается лично ихъ, напр.: какимъ образомъ они, живя во плоти, умерли во время крещенія и были погребены вмѣстѣ съ Христомъ? Отъ этого вопроса о крещеніи авторъ переходитъ къ вопросу о таинствѣ причащенія (XXIII гл.) и слова, произносимыя священниками при этомъ таинствѣ, онъ приводитъ, какъ доказательство истинности православнаго ученія о вѣчностномъ соединеніи во Христѣ двухъ естествъ. Эту же истину онъ доказываетъ другими словами апостола Павла (XXIV гл.), а также исповѣданіемъ ап. Петра (XXV гл.) и Ѳомы (XXVI гл.). Да и все Свящ. Писаніе полно свидѣтельствъ объ этой истинѣ, представляя Христа однимъ и тѣмъ же Сыномъ Божіимъ въ двухъ дѣйствахъ; и истинные христіане, слѣдуя Свящ. Писанію, исповѣдуютъ Отца и Сына и Св. Духа (XXVII гл.). Но этотъ догматъ трійческаго единства Божества признаютъ и еретики. Однако между ними и православными и въ этомъ пунктѣ

есть существенное различіе. Еретики подъ Сыномъ разумѣютъ не воплотившееся, а безплотное Слово. Опровергая это заблужденіе еретиковъ, писатель старается выяснитъ образъ воплощенія Слова (XXVIII гл.) и указываетъ значеніе и цѣль человѣческихъ дѣяній Иисуса Христа (XXIX гл.). Наконецъ, отвѣчая на послѣдній вопросъ еретиковъ: „кого родилъ Отецъ прежде денницы—Бога Слова или человѣка“?—Маркъ отшельникъ еще разъ излагаетъ православное ученіе объ образѣ упостаснаго соединенія во Христѣ двухъ естествъ (XXX гл.).

Замѣчательно отношеніе Марка пустынника къ богословскимъ умозрѣніямъ. Какъ извѣстно, въ IV и V вѣкахъ по Р. Хр. догматическіе споры волновали весь христіанскій міръ. Рѣшеніе вопросовъ изъ области христіанскаго вѣроученія составляло тогда какъ-бы насущную потребность почти каждаго христіанина. По словамъ Григорія Богослова, въ его время вопросы вѣры были предметомъ бесѣдъ и преній не только въ церквяхъ и домахъ, но и на торжищахъ, даже въ баняхъ. Что происходило въ дни этого великаго учителя церкви во время ереси арианъ, то самое было и во время Кирилла александрійскаго—при ереси несторіанъ. Борющіеся другъ съ другомъ партіи писали одна противъ другой сочиненія полемическаго характера, въ которыхъ защищали и доказывали правоту своихъ догматическихъ воззрѣній и опровергали, обличали воззрѣнія противниковъ. Въ эпоху несторіанскихъ споровъ на защиту православія возсталъ и нашъ авторъ... Но какъ возсталъ? Признавалъ-ли онъ за богословскими вопросами и преніями право на существованіе? Какъ смотрѣлъ онъ на процессъ богословскаго умозрѣнія? Въ чемъ полагалъ онъ причину возникновенія въ нѣдрахъ церкви мнѣній, не согласныхъ съ истиннымъ и древнимъ догматическимъ ученіемъ ея? Рѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ пролить свѣтъ на характеръ отношеній Марка къ со-

временнымъ ему уместнымъ движениямъ общества и отчасти уяснить намъ образъ мыслей этого писателя.

Читая новооткрытое сочиненіе, нельзя не увидѣть, что авторъ, хотя и оставилъ послѣ себя два догматическихъ труда, былъ, однако, весьма далекъ отъ того увлеченія догматическими спорами, въ какомъ находились его современники. Не смотря на все оное негодованіе противъ еретиковъ, нашъ писатель приступилъ къ письменному изложенію своихъ мыслей, только уступая неоднократно повторявшимся просьбамъ со стороны близкихъ къ нему лицъ. Склониться же на оныя просьбы заставило его только желаніе оказать нравственную, духовную помощь заблуждшимъ (VI гл.) и исполнить заповѣдь апостола относительно борьбы съ „врагами креста“ (II гл.).

Маркъ пустынный — врагъ отвлеченныхъ богословскихъ умозрѣній. По его мысли, человѣкъ; принявши крещеніе и исповѣдавши истинную вѣру, долженъ твердо и въ простотѣ сердца держаться этой вѣры, „не искушая Христа“ и „не отвергая разъ даннаго исповѣданія“ (XI гл.). Эта твердая, непоколебимая вѣра христіанина должна состоять „не въ молчаливомъ умозрѣніи“ (*οὐ διὰ βουτῆς ὑμῶν*), но въ исполненіи божественныхъ заповѣдей (XXVII, XIII гл.). Только въ исполненіи заповѣдей сказывается истинная вѣра во Христа и неложное стремленіе къ Нему человека. Поэтому и еретики, прикрывающіе свое отступничество отъ истинной вѣры во Христа ссылкой на то, что они ищутъ Его, „если бы дѣйствительно искали Его. — какъ говорить Маркъ, — то по возможности и исправлялись бы, согласно Его заповѣдямъ“ (VI гл.). Отсюда уже можно предвидѣть, въ чемъ полагается Маркъ истинную причину возникновенія ересей вообще и ереси Несторія, въ частности. Причина эта, по Марку, кроется совсѣмъ не въ благородномъ стремленіи человека къ уясненію высокихъ и глубокихъ истинъ христіанства, но коренится она въ нравственной слабости и распущенности общества. „Дѣлю истины, —

говоритъ авторъ,—перенесеніе подвиговъ и безчестія, дѣло же заблужденія—стремленіе къ почестямъ и наслажденію“, и первая неразрывно связана съ трудомъ, второе же, т. е. заблужденіе, легко приобрѣтается толпой стремящейся къ удовольствіямъ. „И люди, совершающіе подвиги (*φιλόπονοι*), Учителя, Владыку и Господа, распятаго за насъ и пренебрегшаго позоромъ, исповѣдуютъ,—говоритъ Маркъ,—какъ Сына Божія, лица же, преданныя удовольствіямъ или, лучше сказать, тщеславныя, такъ исповѣдывать Его стыдятся“ (I гл.). Ясно, что причину возникновенія ереси Маркъ полагаетъ въ нравственныхъ нестроеніяхъ общества, а главнымъ мотивомъ къ изслѣдованію отвлеченныхъ догматическихъ тонкостей считаетъ тщеславіе. Это тщеславіе мѣшаетъ еретикамъ оставить свое заблужденіе даже тогда, когда они внутренно сознаютъ силу приводимыхъ православными людьми доказательствъ и соглашаются съ ними. „Среди еретиковъ, говоритъ Маркъ, есть нѣкоторые (такіе), которые, вслѣдствіе (нашихъ) доказательствъ, признаютъ истину въ сознаніи, однако и не исповѣдуютъ (ее), и не воздерживаются отъ склонности къ спорамъ, такъ какъ цѣль стремленія ихъ къ побѣдѣ—не вѣра правая, а тщеславіе“ (VI гл.). На самое изслѣдованіе вопросовъ изъ области вѣры Маркъ смотритъ, какъ на желаніе людей избѣгать соединеннаго съ трудомъ и огорченіями исполненія заповѣдей. Изложивъ истинное ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ, Маркъ замѣчаетъ, что „вѣрующій въ это исполняетъ заповѣди Христа и не изслѣдуетъ бесполезно Его природу. Получивши свѣдѣніе объ этомъ отъ святаго Павла, мы достовѣрно знаемъ, что всякій, кто не исполняетъ заповѣдь Христову, тотъ по-пусту изслѣдуетъ Его природу“ (XXIV гл.). Изслѣдованіе вопросовъ въ области вѣры есть, по Марку, съ одной стороны, пустое занятіе (*περιεργία*), а съ другой—даже богохульство. Въмѣсто того, чтобы „трудиться“ (*ἐργάζεσθαι*), быть исполнителями заповѣдей Христовыхъ, еретики занимаютъ только пустяками (*περιεργάζοντο*),

την περιεργίαν ἠρόσαντο), „тщетно стараясь постигнуть, при помощи человѣческихъ способовъ мышленія (*λογισμοῖς ἀνθρώπινοις*), неизъяснимое соединеніе Слова съ плотію“ (IX гл.). На это тщетное занятіе богословскими изысканіями Маркъ смотритъ, какъ на „отрицаніе и вѣры, и крещенія“, такъ какъ исканіе, изслѣдованіе вѣры предполагаетъ неудовлетворенность человѣка даннымъ при крещеніи исповѣданіемъ, а эта неудовлетворенность есть сама по себѣ уже нарушеніе обѣтовъ христіанства (IX гл.). Вопросы, поставляемые еретиками, при критическомъ изслѣдованіи ими догматовъ вѣры, есть, по Марку, богохульство (*βλασφημία*); и писатель „Слова противъ несторіанъ“, дѣйствительно, прямо заявляетъ: „вопросъ „какъ“? въ отношеніи къ Богу мы считаемъ богохульствомъ“ (XV гл.). О чемъ Писаніе умолчало, то, по мысли Марка, слѣдовательно, не нужно и знать человѣку; изслѣдованіе сокрытаго отъ людей можетъ привести человѣка ни къ чему другому, какъ только къ богохульству. „Все, что божественное Писаніе, а также пророки и апостолы не нашли (нужнымъ) сказать, эти,—говоритъ Маркъ о еретикахъ,—какъ бы вторые провозвѣстники, открываютъ (такое), не зная, что это завершится у нихъ великимъ богохульствомъ“ (XVIII гл.).

Истинное отношеніе христіанина къ догматамъ вѣры должно состоять не въ свободномъ, критическомъ изслѣдованіи ихъ, а въ смиренномъ сознаніи ихъ истинности и охраненіи ихъ чистоты и неповрежденности (XXIII, IX гл.). Разумъ человѣческій не можетъ постигнуть божественныхъ дѣйствій, такъ какъ онъ, по своей ограниченности, часто оказывается не въ состояніи объяснить; „какъ“? даже относительно явленій, происходящихъ въ видимомъ мірѣ (XV гл.). Для человѣка вполне достаточно того, что открыто въ Свящ. Писаніи. Проникнуть же далѣе того, что сказано въ Писаніи, человѣку не возможно: поэтому на всѣ вопросы еретиковъ, желающихъ познать сущность и причины того или иного божественно-промыслительнаго

дѣйствія, можно отвѣтить только, что это „непостижимо“ и „неизслѣдимо“ (XXI гл.). Человѣку открыто, что Богъ есть существо всемогущее и свободное: этого и достаточно для него, чтобы вѣровать въ то или другое дѣйствіе всемогущаго и свободнаго Божества. „Если Богъ, дѣйствительно, всемогущъ, — говоритъ Маркъ, — то не изслѣдуй: „какъ“? Если же (тебѣ) нужно знать: „какъ“? — то (значить) Онъ, по твоему, ужь не всемогущъ“ (XXI гл.). „Написано, — снова говоритъ авторъ, — что *благоизволи въ Немъ всяко исполненіе Божества вселити тѣлеснѣ*. А если Онъ *благоизволи* такъ, то затѣмъ же мы спрашиваемъ: „какъ“? (XXI гл.).

Смиренная, простосердечная вѣра въ ученіе Церкви и Свящ. Писанія, соединенная съ исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ, по ученію Марка пустынника, несравненно превосходитъ критическаго мудрованія надъ богословскими вопросами. Если тщеславное, гордое умозрѣніе человѣка ведетъ послѣдняго только „къ великому богохульству“ (XVIII гл.), то смиренная вѣра, неразлучная съ исполненіемъ заповѣдей, бываетъ виновницей полученія человѣкомъ Святаго Духа, Который просвѣщаетъ, очищаетъ умъ человѣка и сообщаетъ ему небесныя истины. „Вѣрующій, — говоритъ Маркъ пустынникъ, — исполняя (заповѣди), получаетъ Святаго Духа, поучается отъ Самого Бога и, подобно рѣкѣ, источаетъ истину и другимъ (людямъ), по слову Господа, сказавшаго: *вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (XXIV гл.).

Вотъ съ такими-то воззрѣніями на догматическіе споры своего времени Маркъ и выступилъ съ обличеніемъ современныхъ ему еретиковъ.

Ученіе Марка пустынника о лицѣ Иисуса Христа. Опровергая лжеученіе своихъ противниковъ и выясняя православное ученіе о соединеніи въ Спасителѣ нашемъ двухъ естествъ, Маркъ пустынникъ всецѣло основываетъ свои мысли и оправдываетъ православное ученіе текстами Священнаго Писанія. Употребленіе доказательствъ, заимствуемыхъ отъ Свящ. Писанія, было у

Марка пустытника приѣмомъ, вполне соотвѣтствовавшимъ характеру несторіанской ереси, обосновывавшей свои заблужденія на ложно понятыхъ текстахъ Свящ. Писанія. Свящ. Писаніе имѣло значеніе источника вѣрученія какъ для православныхъ, такъ равно и для еретиковъ, и Маркъ пустытникъ, такимъ образомъ, боролся съ своими противниками надлежащимъ оружіемъ.

На этой же почвѣ боролись съ несторіанами и другіе писатели, но у Марка пустытника въ выборѣ доказательствъ отъ Свящ. Писанія замѣчается нѣкоторая особенность. Дѣло въ томъ, что почти всѣ церковные писатели, говоря о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ, ссылались, въ доказательство своихъ мыслей, на то, что Иисусъ Христосъ въ Свящ. Писаніи называется одинаково то Сыномъ Божиимъ (или Богомъ), то Сыномъ человѣческимъ (или даже просто человѣкомъ). Между тѣмъ, Маркъ, въ доказательство истинны соединенія естествъ въ лицѣ нашего Спасителя, указываетъ на то, что въ священномъ Писаніи Спаситель нашъ называется *Иисусомъ Христомъ*. „Иисусъ Христосъ“—вотъ центръ мыслей Марка пустытника. „Божественное Писаніе говоритъ, что Сынъ Божій есть Иисусъ Христосъ“ (гл. XXI): „Сынъ Бога живаго, нераздѣльно соединенный съ Своею плотію, есть Иисусъ Христосъ“ (XXII гл.); „если бы Онъ не соединился, то Онъ и не назывался бы Иисусомъ Христомъ, но—Сыномъ Божиимъ, какъ (назывался) отъ начала. Если же не такъ; то объясни ты мнѣ (говоритъ Маркъ, обращаясь къ еретику), почему апостолы проповѣдали безплотное Слово не какъ Сына Божія, но всегда какъ Иисуса Христа и „Сего распята“? (XXX гл.). „Такимъ именно образомъ Божественное Писаніе исповѣдуетъ Его и вездѣ,—не въ отдѣльности Богомъ или человѣкомъ, но Иисусомъ Христомъ въ двухъ естествахъ (*τὸν ἐξ ἀμοιβῶν Ἰησοῦν Χριστόν*). И въ Божественномъ Писаніи ты вездѣ найдешь Его и исповѣдуемымъ, и именуемымъ Иисусомъ Христомъ въ такомъ именно смыслѣ“ (X гл.). Имя „Иисусъ Христосъ“ въ отношенія

къ нашему Спасителю есть, по Марку, имя не безплотнаго Бога Слова и не простаго человѣка, но имя соединенія естествъ. „Апостоль не сказалъ; „мы проповѣдуемъ распятую плоть“, какъ говоришь ты, но назвалъ онъ имя соединенія (естествъ): *мы проповѣдуемъ Христа распята*“ (XI гл.). „Услышавъ въ Божественномъ Писаніи объ Иисусѣ Христѣ, разумѣй Бога Слова съ Его плотію, ибо имя нераздѣльнаго соединенія есть Иисусъ Христосъ. Отсюда ясно, что отрицающій при совершеніи нашего спасенія соединеніе (естествъ) отрицаетъ и имя соединенія“ (XII гл.).

Полагая въ основу своего сочиненія ту мысль, что „Слово, нераздѣльно соединенное съ своею плотію, есть Иисусъ Христосъ“ и что „Иисусъ Христосъ“ есть имя соединенія естествъ, Маркъ изъ этого основнаго положенія своего выводитъ и всѣ остальные мысли своего „Слова“. Въ томъ, что означенное положеніе Маркъ пустынный дѣлаетъ исходнымъ пунктомъ православнаго ученія о лицѣ Иисуса Христа, нѣтъ ничего удивительнаго. Это требовалось сущностью самой полемики съ несторіанами. Для болѣе успѣшнаго хода борьбы съ противниками, наиболѣе опытные полемисты начинаютъ полемизировать съ такого пункта, въ которомъ болѣе или менѣе сходятся объ борющіяся стороны. Мысль, что имя „Иисусъ Христосъ“ есть имя соединенія естествъ, до нѣкоторой степени была свойственна и сретикамъ. По крайней мѣрѣ, они высказывали ее въ такой формѣ, что имя „Иисусъ Христосъ“ есть имя общее обоимъ естествамъ. Самъ Несторій высказывалъ эту мысль, и очень опредѣленно. Въ своемъ (неодобренномъ отцами Ефесскаго собора) посланіи къ Кириллу александрійскому Несторій, между прочимъ, привелъ начальныя слова втораго члена Символа вѣры, писалъ: „Размотри, какъ они (т. е. отцы перваго вселенскаго собора), поставивъ напередѣ слова: Господь, Иисусъ Христосъ, едиnorodный и Сынъ—*имена, общія и божеству и человечеству*, какъ основанія, созидаютъ на нихъ преданіе о вочеловѣченіи, страданіи и о воскре-

сеній, съ тѣмъ, чтобы поставленіемъ напередѣ этихъ знаменательныхъ *именъ*, *общихъ обоимъ естествамъ*, недопускалось раздѣленія свойства Сына отъ свойствъ Господа, и чтобы не уничтожились свойства двухъ естествъ тѣмъ, что свойственно одному только Сыну. Въ этомъ учителемъ для нихъ былъ Павелъ; онъ, вспоминая о божественномъ вочеловѣченіи, когда требовалось сказать о страданіи, напередъ поставилъ слово: „Христосъ“ — *имя, общее*, какъ я сказалъ уже, *обоимъ естествамъ*, и вводитъ слово, соотвѣтствующее тому и другому естеству“ ¹⁾).

Выходя изъ общаго съ еретиками, положенія о имени „Иисусъ Христосъ“, Маркъ ставитъ своимъ противникамъ вполне естественный вопросъ: „одинъ Христосъ или два?“ „Конечно, скажешь, — отвѣчаетъ самъ Маркъ, — что одинъ, согласно съ словами Писанія: *единъ Господь Иисусъ Христосъ*“ (X гл.). Продолжая свою рѣчь далѣе, Маркъ возражаетъ еретикамъ: „если Христосъ одинъ, то кто Онъ: простой человѣкъ или безплотный Богъ?“ (Ibid.). Опираясь на слова ап. Павла: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8), Маркъ говоритъ: „теперь я хочу спросить богораздѣлителей: кто это такой — и распятый и Господь славы? Если непризнающіе соединенія (естествъ) скажутъ, что — это простой человѣкъ, то отвѣтимъ; какимъ же образомъ возможно для простого человѣка быть Господомъ славы? Если же они будутъ говорить, что это — безплотный Богъ-Слово; то какъ же безплотное Слово было распято?“ (III гл.). Приводя далѣе слова пророка Исаи: *яко овца на заколеніи вѣдѣтся..., родъ же Его кто исповѣсть?*“ (Ис. 57, 7—8), Маркъ снова ставитъ вопросъ: „скажи мнѣ, еретикъ: кто это — вѣденный, какъ овца, на заколеніе и имѣющій родъ Свой неисповѣдимымъ? Если ты будешь говорить мнѣ, что — это простой человѣкъ; то

¹⁾ Дѣянія вселен. соборовъ, т. I, Казань 1859 г., стр. 336—337.

какъ-же происхожденіе его неисповѣдимо? Вѣдь, Христосъ по плоти, конечно, имѣеть родословную. Если же ты скажешь, что — это Богъ—Слово; то какъ же безплотный Богъ ведется на закаланіе?“ (V гл.). Указывая на слова Іереміи (собственно Варуха): *Сей Богъ нашъ и не вмѣнится инъ къ Нему... Посемъ на земли явися и съ человекѣ поживе* (Вар. 3, 36, 38), Маркъ опять говоритъ: „кто это—явившійся и пожившій съ людьми? Если скажешь, что — это простой человекъ; то услышишь: какъ же онъ — „Богъ сей и не вмѣнится инъ къ Нему“? Если же скажешь: это — безплотное Слово: то какъ же оно „на земли явися и съ человекѣ поживе“? (V гл.). Выводъ изъ приведенныхъ словъ Свящ. Писанія, по Марку пустыннику, тотъ, что единый Христосъ есть „воплотившееся Слово“ (IV гл.).

Но еретики съ своей стороны возражаютъ: „и мы называемъ Христа единымъ, только сообразно съ обстоятельствами раздѣляемъ естества“ (XVIII гл.). Въ частности, относительно крестныхъ страданій Спасителя, по поводу словъ апостола: *еще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). они говорятъ: „Слово есть Господь славы, распятъ же былъ человекъ“ (III гл.). Основаніемъ къ такому раздѣленію естествъ во Христѣ для еретиковъ служатъ тѣ соображенія, что Богъ не можетъ раждаться отъ Дѣвы (X гл.), не можетъ Онъ подвергаться распятію, умирать, алкать и изнуряться (XV гл.).

Разбирая возраженія еретиковъ. Маркъ пустыникъ, напротивъ, утверждаетъ, что „апостоль не раздѣлялъ, съ одной стороны, Слово отъ плоти въ „господствѣ славы“, а съ другой стороны — плоть отъ Слова въ распятіи, но и въ славі, и въ распятіи нераздѣльно исповѣдалъ единаго“ (IV гл.); что Спаситель нашъ „у святаго Павла Господомъ славы названъ еще до креста“, т. е., по апостолу, страдавшій за насъ былъ уже Господомъ славы до страданій Своихъ и былъ именно „Господомъ славы“, а не участвующимъ во славі (VII гл.). Указаніе еретиковъ, въ до-

казательство своихъ ложныхъ мыслей о раздѣленіи естествъ, на рожденіе Спасителя отъ Дѣвы, Маркъ находитъ ничего незначущимъ, такъ какъ „Онъ родился не безплотнымъ Богомъ и не простымъ человѣкомъ, но о томъ и другомъ вмѣстѣ сказало Писаніе, что „родился Христосъ“ (X гл.). „И ангелы, увидя Его воплотившимся на землѣ, не раздѣлили Его; но, признавъ Его боголѣпно соединившимся, они дивно прославили Его, восклицая: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣчѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14). Вотъ видишь, какъ они соединили славу „въ вышнихъ“ и благоволеніе „въ человѣчѣхъ“, и явно благовѣстили пастухамъ рожденнаго Христа Спасителя, говоря о единомъ, а не о двухъ“ (XVIII гл.). Раздѣленія естествъ не было и во время страданій Христа, и Маркъ пустынный на вопросъ своихъ противниковъ: „итакъ, былъ распятъ Господь славы?“ — отвѣчаетъ: „я буду исповѣдывать мое спасеніе и не отрекусь, а скажу (прямо): да, былъ распятъ Господь славы. И въ этомъ своимъ защитникомъ и свидѣтелемъ неизреченныхъ (тайнъ) имѣю Павла, который говоритъ: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (III гл.). „Употребляя выраженіе: „Господь славы“, апостоль говоритъ о вѣчной жизни; слово же „распяша“ ясно указываетъ на Его смерть за насъ. Итакъ, если, по словамъ Павла, жизнь и смерть — эти крайніе пункты (*αχροθιμα*) всякаго естества — не были въ состояніи раздѣлить Христа, то не можетъ Его раздѣлить и никакое начало и власть, ни высота и ни глубина, ни настоящее и ни будущее“ (VII гл.).

Разсматривая возраженіе еретиковъ о раздѣленіи естествъ подробнѣе, Маркъ, вопреки своимъ противникамъ, видѣвшимъ въ земныхъ дѣйствіяхъ Спасителя лишь дѣйствія простаго человѣка, служившаго для Бога Слова одеждою или храмомъ, — говоритъ, обращаясь къ этимъ еретикамъ, что они „относительно всего того, что Божественное Писаніе говоритъ о Спасителѣ по плоти, не въ состояніи доказать, что оно говоритъ

исключительно объ одной плоти (*την σαρκος μουμερωσ*)“. „Вѣдь, развѣ Писаніе (въ разсказѣ) о кровоточивой сказало: кто коснулся *человѣка*? Развѣ оно сказало, что (слуга архіерейскій) ударилъ по ланитѣ *человѣка*? Развѣ (Христось) сказалъ Пилату; „предавшій *тѣло Мое* тебѣ болій грѣхъ имать“? Развѣ Писаніе сказало, что распяли *человѣка или плоть Христа*? Развѣ оно сказало, что „облекли *человѣка или плоть* въ одежду червлену„? Развѣ сказало: „*человѣкъ* возложилъ руки на глаза слѣпаго“? Развѣ (Христось) сказалъ, что восходитъ *человѣкъ Мой* къ Отцу Моему? Развѣ Онъ сказалъ: вложи руку твою въ ребра *человѣка Моего*?“ (XXII гл.). „Развѣ ты не слышалъ, — говоритъ Маркъ еретику, — въ евангеліяхъ, какъ Онъ, указывая апостоламъ на Себя, говорилъ: *приидите и видите, яко Самъ Азъ есмь* (Лук. 24, 39)? Почему Онъ не сказалъ: „приидите и видите, яко *человѣкъ Мой* есть, но, показывая плоть и кости, говорилъ: *видите, яко Самъ Азъ есмь*?“ (XXVI гл.). Но если Писаніе, по Марку, нигдѣ не говоритъ о Спасителѣ нашемъ, какъ исключительно только о *человѣкѣ*, за то оно всегда говоритъ о Немъ, какъ о *человѣкѣ*, нераздѣльно соединенномъ съ Божествомъ, и вездѣ называетъ Его *Иисусомъ Христомъ* — именемъ соединенія естествъ, „говоря, что Христось родился, Христось исцѣлилъ, Христось вкусилъ, Христось сѣлъ; тѣло Христово, ноги Христовы, раны Христовы, ударилъ въ ланиту Иисуса; утрудился Христось, пострадалъ Христось, умеръ за насъ Христось, былъ распятъ Христось, воскресъ Христось, вознесся Христось, возсѣлъ (одесную Отца?) Христось“ (XXII гл.).

Отрицаніе нераздѣльнаго соединенія во Христѣ естествъ ведетъ, по ученію Марка пустытника, къ отрицанію тайны искупленія, совершеннаго нашимъ Спасителемъ. „Если плоть Господа была простою, *человѣческою*, не соединенною по вѣности съ Богомъ *Словомъ*, то очевидно, что она произошла отъ *единаго Адама* и отъ грѣха; а потому, какимъ же образомъ

она, сама нуждаясь подобно тебѣ въ такомъ же искупленіи, была дана за животъ міра?“ (VIII гл.). „Если Онъ былъ простымъ человѣкомъ, то какъ же Онъ умеръ за всѣхъ, когда самъ нуждался въ томъ, кто бы умеръ (за него)? Пойми, что и праведники (такъ же) были подъ властію смерти, какъ и грѣшники, ибо (апостоль) говоритъ: *царствова смерть и надъ несогрѣшившими* (Рим. 5, 14), ибо всѣ потомки Адама подпали подъ ея власть не за свое, а за Адамово преступленіе“ (XIII гл.). „Если тѣло (Христа) было, — говорю, подобно тебѣ, — простымъ, нуждающимся въ очищеніи, то откуда же, наконецъ, (ожидать) намъ спасенія? Вѣдь, если пострадавшій былъ одиночнымъ (*μονομερής*) и простымъ человѣкомъ, то онъ едва пострадалъ лишь за самого себя. Поэтому, вѣрующіе такъ остаются еще во грѣхахъ своихъ, ибо они живутъ сами для себя, а не для умершаго и воскресшаго за нихъ. Если же они вполне вѣрують, что Христосъ умеръ не за Себя, а за насъ, то, согласно съ Писаніемъ, они не должны называть пострадавшаго простымъ человѣкомъ“ (VIII гл.).

Наконецъ, раздѣленіе еретиками естество въ Христѣ и утвержденіе ихъ, что пострадавшій за насъ былъ простой человѣкъ, дѣлаетъ, по мысли Марка пустынника, и таинство св. причащенія не имѣющимъ никакого значенія. Указывая на это послѣдствіе лжеученія еретиковъ, Маркъ пустынникъ спрашиваетъ: „зачѣмъ вкушаешь ты Его тѣло, если оно простое? зачѣмъ и кровь Его пьешь, если она простая? Если Онъ, — говорю по твоему, — не соединился, то какимъ образомъ тѣло и кровь Христовы оживотворяютъ тебя? И если они не освящены чрезъ соединеніе, то какъ же они освятятъ тебя и даруютъ тебѣ отпущеніе грѣховъ?“ (XXIII гл.). „Если бы я сталъ говорить тебѣ о Христѣ, ты снова сталъ бы мудретвовать и раздѣлять (Его). Теперь же я говорю тебѣ о тѣлѣ и крови. Скажи, какъ они сами по себѣ даруютъ намъ жизнь? ибо ты слышишь отъ священника: „святое тѣло Иисуса Христа

въ жизнь вѣчную“. Если бы онъ сказалъ тебѣ: „свя-
тый Христосъ въ жизнь вѣчную“, ты снова возра-
зилъ бы, что „Онъ святъ чрезъ вселившася (въ Него)
Бога“. Но теперь ты слышишь: „тѣло и кровь“, на-
зываемыя единочасно святыми, (какъ) соединенныя
съ Божествомъ отъ утробы (матери) по вѣчности, а не
послѣ рожденія по участию“ (XXIV гл.).

Итакъ, ученіе еретиковъ, какъ противорѣчащее
свящ. Писанію и ведущее къ отричанію догмата ис-
купленія и таинства причащенія, несостоятельно и
ложно. Истинно и чуждо заблужденій лишь ученіе
православное.—Въ какомъ же видѣ это ученіе о лицѣ
Христа Спасителя представляется въ новооткрытомъ
сочиненіи Марка пустынника?

По ученію преп. Марка, Господь славы—Иисусъ
Христосъ есть Богъ и человѣкъ вмѣстѣ. Соединеніе
Бога и человѣка въ лицѣ единого Иисуса Христа есть
соединеніе не внѣшнее и временное, или періодическое,
какъ учили несторіане, но вѣчностное, нераздѣльное
и неслиянное. Не Богъ Слово обратился въ плоть и
не плоть разрѣшилась въ Слово, но Богъ Слово бла-
говолить воспріять соединеніе съ плотію чрезъ утробу
Дѣвы. И со времени зачатія Дѣвой Маріей Христа,
соединеніе Бога съ человѣкомъ въ лицѣ Спасителя
остаётся неразрывнымъ и нераздѣльнымъ во всё вре-
мена. Посему православный христіанинъ, исповѣдая
свою вѣру въ Бога Отца, Сына Божія и Духа святаго,
подъ Сыномъ Божиимъ долженъ разумѣть не безплотное
Слово, но соединенное со святою плотію, и ни въ
мысляхъ, ни въ рѣчахъ не долженъ допускать дѣленія
естествъ. Раздѣленія естествъ не было и во время
страданій Христа. Хотя безстрастное и безплотное
Слово и не можетъ, по самому существу своему, утом-
ляться, алкать и страдать, но, какъ вѣчностно соеди-
ненное съ человѣкомъ, Оно усвоивало Себѣ страданія
и всё дѣла и состоянія Христа по плоти.

„Святые апостолы,—говоритъ Маркъ,—не назы-
ваютъ пострадавшаго безплотнымъ Богомъ, не на-

зываютъ и простымъ человѣкомъ, но Богомъ и человѣкомъ вмѣстѣ, который есть Иисусъ Христосъ—Господь славы; они не раздѣляютъ Его при совершении нашего спасенія, но исповѣдуютъ Сына (Божія) единымъ въ двухъ (естествахъ) Иисусомъ Христомъ, пострадавшимъ плотію, и говорятъ: *мы проповѣдуемъ Христа распята*“ (XIV гл.). На вопросъ еретиковъ: „пострадавшій за насъ Богъ или нѣтъ“?—Маркъ отвѣчаетъ: „да, Богъ, но не чуждый человѣчества. Я говорю также, что Онъ—человѣкъ, но соединенный съ Божествомъ“ (XVIII гл.). „Объясни ты мнѣ,—говоритъ Маркъ еретикъ,—какъ пришло безплотное Слово или какъ освятить и послать Отецъ Сына Своего въ міръ? Уже-ли, по твоему, переходяще (*μεταβατικῶς*), или съ измѣненіемъ (*ἀλλοιωτῶς*), или съ приложеніемъ (*προεπιστῶς*), или призрачно и безъупостасно? Но посланіемъ, снисшествіемъ, освященіемъ и помазаніемъ отъ Отца было соединеніе со святою плотію. Соединивши ее непреложно и неизреченно съ Собою отъ утробы (матери), Богъ Слово усвоиваетъ Себѣ все, касающееся ея“ (XXVIII гл.). „Господь Иисусъ Христосъ,—говоритъ Маркъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія,—есть Сынъ человѣческой вслѣдствіе соединенія, не какъ простая плоть, но по соединенію съ святою плотію (*οὐχὶ διὰ ψιλὴν σάρκα, ἀλλὰ διὰ ἑνωσιν τῆς ἁγίας σαρκός*); Онъ равнымъ образомъ есть и Сынъ Божій, (но) не какъ безплотное Слово, а по соединенію съ Словомъ (*οὐ διὰ γυμνὸν λόγον, ἀλλὰ διὰ ἑνωσιν τοῦ λόγου*), ибо одно дѣло—свойство, а другое—соединеніе. О соединеніи же мы говоримъ таинственнымъ и неслышаннымъ, ибо не Слово обратилось въ плоть и не плоть разрѣшилась въ Слово. Но, чтобы остаться Словомъ, какъ былъ, и стать плотію, какъ есть,—Богъ Слово, по волѣ Бога Отца, благоволилъ соединиться съ плотію чрезъ утробу (матери); и не смотря на то, что каждое естество пребываетъ неслышаннымъ, ни одно изъ нихъ во Христѣ не имѣетъ отдѣльнаго (*μεμερισμένην*) свойства ни въ именахъ и ни въ дѣйствіяхъ, И, на-

зываясь Сыномъ человѣческимъ, Христось, согласно Писанію, Самъ же называется и Сыномъ Божіимъ, ибо сказано святой Маріи: *Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осянеть тя; тѣмже и рождаемое свято наречетъся Сынъ Божій* (Лук. I 35) чрезъ соединеніе отъ утробы. Онъ проповѣдывалъ, поучалъ, совершалъ (дѣла) божественныя и претерпѣвалъ собственное людямъ“ (XXX гл.). „Поэтому, когда ты услышишь о тѣхъ великихъ дѣлахъ, которыя боголѣпно сотворилъ Христось, то, видя (эти) чудеса, ты называй (Его) не безплотнымъ Богомъ, но соединившимся съ человѣчествомъ; и съ другой стороны, если ты услышишь про все то, чтѣ Онъ претерпѣлъ, то не за простаго человѣка, по причинѣ (таковыхъ) страданій, признавай Его, но за соединившагося съ Божествомъ“ (XVIII гл.). „Нигдѣ не сказано, что одно претерпѣлъ человѣкъ Его, а другое сдѣлалъ Богъ-Слово, но всюду Онъ усвоиваетъ Себѣ дѣла плоти не только на землѣ въ настоящее время, но и на небесахъ во вѣки“ (XXII гл.). „Итакъ,—говоритъ Маркъ,—мы не утверждаемъ предложенія ни Слова, ни плоти, но исповѣдуемъ нераздѣльное соединеніе Его. И такимъ-то образомъ мы мыслимъ о безстрастномъ Словѣ и вѣруемъ въ пострадавшаго за насъ Сына Божія, такъ какъ каждое естество, пребывая въ Немъ, боголѣпно усвоило себѣ ради насъ то, что свойственно другому естеству“ (XXX гл.). „Поэтому, Тотъ, Кто былъ выше насъ, принялъ раны по плоти; но (оставаясь) нераздѣльнымъ и такимъ, какимъ Онъ былъ прежде, Онъ усвоиваетъ Себѣ страданія“ (XV гл.).

А. Юрьевскій.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи Епископъ **Антоній**.

Казань. Въ Типографіи Университета. 1900 г.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru